

ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН

Двойная звезда
Звездный десант

Звезды мировой фантастики (Азбука)

Роберт Хайнлайн

**Двойная звезда. Звездный
десант (сборник)**

«Азбука-Аттикус»

1956, 1959

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Хайнлайн Р. Э.

Двойная звезда. Звездный десант (сборник) / Р. Э. Хайнлайн — «Азбука-Аттикус», 1956, 1959 — (Звезды мировой фантастики (Азбука))

ISBN 978-5-389-16565-6

Под одной обложкой – два классических романа корифея американской фантастики, два знаменитейших произведения за всю историю жанра, и оба – лауреаты премии «Хьюго». Лоуренс Смит – он же Лоренцо Смайт, «несравненный мастер пантомимы и перевоплощений», – сидит на мели и готов схватиться за любой ангажемент. И когда космолетчики, отчаянно, но безуспешно пытающиеся выглядеть обычными землянами, предлагают ему на несколько дней перевоплотиться в некую публичную фигуру, Лоренцо не видит причин для отказа. Но тут же судьба выкидывает немыслимый фортель: Лоренцо вынужден лететь на Марс – хотя марсиан ненавидит всеми печенками; вынужден изображать лидера Партии Экспансионистов – хотя экстремисты из Партии Человечества ему, несомненно, ближе; вынужден слиться со своей ролью до невероятного... Землю атакует страшный враг – цивилизация разумных насекомых. Понять их, договориться с ними невозможно – остается только уничтожать, пока не уничтожили тебя. И только если ты перенес эту боль, эти лишения – ты получаешь право решать за других. «Я пытался выявить... некую фундаментальную основу поведения человека, и я пришел к выводу, что единственная основа, которая не требует бездоказательных предположений, – это вопрос выживания» – так обозначил Хайнлайн главную тему «Звездного десанта» в письме другому классическому, Теодору Старджону. Ну а Пол Верховен в своей нашумевшей экранизации классического романа сатирически заострил хайнлайновскую «милитаристскую утопию», которая, если приглядеться, не слишком отличима от антиутопии. «Двойная звезда» публикуется в новой редакции, «Звездный десант» (также известный как «Звездная пехота», «Солдаты космоса» и т. п.) – в новом переводе.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-445

ISBN 978-5-389-16565-6

© Хайнлайн Р. Э., 1956, 1959

© Азбука-Аттикус, 1956, 1959

Содержание

Между Сциллой и Харибдой	7
Двойная звезда	9
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Роберт Хайнлайн

Двойная звезда. Звездный десант

Сборник

Robert A. Heinlein
Double Star. Starship Troopers

© 1956 by Robert A. Heinlein
© 1959 by Robert A. Heinlein
© А. В. Етоев, перевод, 1993
© Д. А. Старков, перевод, 1993
© М. А. Пчелинцев (наследники), перевод, 1993
© Г. Л. Корчагин, перевод, примечания, 2019
© С. В. Голд, предисловие, послесловие, 2019
© Е. М. Доброхотова-Майкова, примечания, 2019
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2019
Издательство АЗБУКА®

* * *

Между Сциллой и Харибдой

Гибель Первого поселения на Марсе трагически и недвусмысленно подтвердила: человечество не одиноко во Вселенной и почетного места в президиуме для него никто не резервировал. По счастью, в семидесятых годах XX столетия у Земли не было ресурсов на жесткий (и бессмысленный) ответ. Для того чтобы проводить в космосе политику Большой Дубинки или Дипломатию Канонерок, нужны были иные мощности и иные технологии. Так что марсианам и обитателям Венеры повезло – человечество было склонно к толерантности и неспешному решению проблем. А землянам в свою очередь повезло, что вместо марсиан они не встретили более предприимчивых обитателей Финстера или Клендату. Поэтому первая космическая война вспыхнула лишь полвека спустя. А пока человечество словно вернулось на тысячи лет назад: оно открывало новые земли, заключало союзы с туземцами, создавало колонии и расширяло свои владения. У земной цивилизации снова появилась Метрополия, Провинции и узкая полоска Фронтيرا на краю освоенной Ойкумены.

Окраины, как водится, привлекали людей либо безрассудных, либо предприимчивых. Тех, кого устраивало полуварварское существование, минимум законов и возможность решать экономические и социальные проблемы выстрелом от бедра. В центре же кипели страсти иного сорта: там непрерывно делили власть и экспериментировали с формами правления. Человечество металось между монархией и анархией, но с неизбежностью возвращалось к той или иной форме демократии. Возможность выбирать и сменять своих правителей манила его как память о счастливых годах античного младенчества – и человечество снова и снова пыталось примерить на себя изношенные пеленки.

Впрочем, ностальгия владела лишь небольшой частью населения. Основную массу политика интересовала только в одном плане: «играйте в свои игры у себя в песочнице и не лезьте в мои дела». Эти люди появлялись на политической арене лишь тогда, когда государственная машина ломалась или упиралась в тупик, – и тогда они брали в руки камни и бейсбольные биты и принимались ее чинить.

А в остальное время политическую погоду делали активные избиратели – азартные болельщики, те, кто воспринимал политику как еще один вид спорта, или же те, кто видел прямую зависимость своего положения от расклада политических карт. Не обладая реальной властью, эти люди тем не менее играли важную роль в демократической системе: они были фильтром, не пропускавшим к власти идиотов и преступников. Или пропускавшим – если таково было веление времени. Разум и ответственность выборщиков всегда были ахиллесовой пятой демократических систем, и разные политические силы постоянно пытались либо ужесточить отбор, либо полностью открыть шлюзы – в зависимости от того, какое место занимали в рейтингах и где искали свою поддержку.

Помимо пассивного большинства и избирателей, были и избираемые. Лишь аристократы и коммунисты целенаправленно выращивали и обучали политиков, в других формациях они самозарождались среди избирателей волшебным путем, по Аристотелю, «из комка грязи и пучка перьев». Это были пассионарии, способные зажечь своей энергией массы, люди активные, но при этом достаточно рассудительные, чтобы не искать свою судьбу на Фронтире. Это были люди, одержимые идеей или одержимые идеей власти, люди, которые хотели чего-то добиться или просто оставить след в Истории. На пути к вершине они проходили сложный многоступенчатый партийный отбор или создавали партию вокруг себя, становясь центрами кристаллизации общественных тенденций. В любом случае их попадание в политическую обойму было закономерным результатом напряженной работы и долгого пути.

Но порой люди в политику попадали очень быстро и очень странным образом.

С. В. Голд

Двойная звезда

1

Если за столик к вам подсаживается человек, одетый как последняя деревенщина, но при этом держится так, будто застолбил все вокруг и не прочь прикупить еще, он наверняка из космолетчиков.

Ничего удивительного. На службе он – Хозяин Вселенной, а когда ноги его попирают низменный прах земной – понятно, вокруг сплошь одни «кроты» – сидят, нос из норы высунуть боятся. Что до костюма – какой спрос с человека, который девять десятых своего времени не вылезает из летной формы? А если глубокий космос тебе привычной цивилизации, трудно уследить, как нынче одеваются в обществе. И потому любой космопорт – отличная кормушка для целой тучи этих, прости господи, «портных». Они-то всегда радешеньки обслужить еще одного простака «по последней земной моде».

Я с первого взгляда понял, что этого здорового малого угораздило довериться Омару Палаточнику. И без того широченные плечи еще и подложены, шорты такие короткие, что, когда хозяин их сел, его волосатые ляжки оказались у всех на виду, сорочка в оборках, которая, возможно, хорошо смотрелась бы на корове.

Но свое мнение я оставил при себе и на последний полуимпериал угостил его выпивкой, сочтя это выгодным вложением капитала, – известно, как космолетчики обращаются с деньгами.

Мы сдвинули стаканы.

– Ну, чтоб сопла не остыли!

Так я в первый раз допустил ошибку насчет Дэка Бродбента. Вместо обычного: «И ни пылинки на трассе» или, скажем, «Мягкой посадки», он, оглядев меня с ног до головы, мягко возразил:

– С чувством сказано, дружище, только с этим – к кому-нибудь другому. Сроду там не бывал.

Вот тут бы мне опять-таки не соваться со своим мнением. Космолетчики вообще нечасто заглядывают в бар «Каса Маньяна» – не любят они подобных заведений, и от порта не близко. И раз уж один такой завернул – в «земном» наряде, да еще забрался в самый темный угол и не хочет, чтобы в нем узнавали космолетчика, – его дело. Я ведь и сам выбрал этот столик, имея в виду обозревать окрестности, не засвечиваясь, – наодалживал по мелочи у того, у другого. Ничего особенного, однако иногда достает. Так мог бы и догадаться, что малый тоже себе на уме, и отнестись соответственно...

Но язык – он, знаете, без костей. Мелет сам по себе что ни попадя.

– Не надо, ладно? Как говорится, моряк моряка... Так что если вы – крот, то я – мэр Тихо-Сити. И могу поспорить, на Марсе пьете куда чаще, чем на Земле, – добавил я, подметив, как плавно он поднимает стакан, – сказывается привычка к невесомости.

– Сбавь голос, парень, – процедил он, почти не шевеля губами. – Почему ты так уверен, что я... «дальнобойщик»? Мы что, знакомы?

– Пардон, – отозвался я, – будьте кем угодно, имеете право. Но я же не слепой! А вы только вошли – с головой себя выдали.

Он что-то пробормотал себе под нос.

– Чем это?

– Да успокойтесь. Вряд ли еще кто заметил. Я – дело другое.

Сознаюсь, люблю производить впечатление, и с этими словами я подал ему визитную карточку. Да-да, именно! Тот самый Лоренцо Смайт – Великий Лоренцо, един во всех лицах: стереовидение, кино, драма – «Несравненный мастер пантомимы и перевоплощений».

Все это здоровяк принял к сведению и сунул карточку в карман на рукаве. Мог бы и вернуть, с досадой подумал я. Визитки – прекрасная имитация ручной гравировки – обошлись мне недешево.

– Ага, понял, – тихо ответил он. – Я что-то делал не так?

– Сейчас покажу. – Я поднялся. – До двери пройду, как крот, а обратно – изображу вас.

Так я и сделал и на обратном пути слегка окарикаатурил его походку, чтобы даже непрофессионал уловил разницу: ступни скользят по полу мягко, будто по палубе, корпус – вперед и уравновешен бедрами, руки перед собой, тела не касаются и в любой момент готовы за что-нибудь ухватиться.

Ну и еще с дюжину мелочей, которые словами не описать. В общем, чтобы так ходить, нужно *быть* космолетчиком. Мышцы постоянно напряжены, баланс тела удерживается машинально – это вырабатывается годами. Горожанин всю жизнь гуляет по ровному твердому асфальту при нормальном земном притяжении и запросто может споткнуться об окуроч. Другое дело – космолетчик.

– Понятно? – спросил я, усаживаясь на место.

– Да уж, – с кислым видом согласился он. – И это я... на самом деле так хожу?

– Увы.

– Хм... Пожалуй, стоит взять у вас несколько уроков.

– А что, это идея, – заметил я.

Некоторое время он молча меня рассматривал, потом, видимо, собрался что-то сказать, но передумал и сделал знак бармену, чтобы тот налил нам еще. Незнакомец единым духом проглотил свою порцию, расплатился за обе и плавно, без резких движений, поднялся, шепнув мне:

– Подождите.

Раз уж он поставил мне выпивку, отказывать не стоило, да и не хотелось. Этот парень меня заинтересовал. Он даже понравился мне, пусть я знал его какие-то десять минут. Знаете, бывают такие нескладно-обаятельные увальни, внушающие мужчинам уважение, а женщинам – желание сломя голову бежать следом.

Грациозной походочкой он пересек зал, обогнув у двери столик с четырьмя марсианами. Терпеть не могу марсиан. Это ж надо – пугала пугалами, вроде пня в тропическом шлеме, а считают себя человеку ровней! Видеть спокойно не мог, как они выпускают эти свои ложнолапы – будто змеи из нор выползают. И смотрят они сразу во все стороны, не поворачивая головы – если, конечно, можно назвать *это* головой! А уж *запах* их просто не выносил!

Нет, вы не подумайте, никто не может сказать, будто я – расист. Плевать мне, какого человек цвета и кому молится. Но то – человек! А марсиане... Не звери даже, а не разбери что! Лучше уж дикого кабана рядом терпеть. И то, что их наравне с людьми пускают в рестораны, всегда возмущало меня до глубины души. Однако на этот счет есть договор; хочешь не хочешь – подчиняйся.

Когда я пришел, тех четверых здесь не было – я бы унюхал. Демонстрируя незнакомцу его походку, тоже их не видел. А тут – нарисовались, попробуй сотри – стоят вокруг стола на своих «подошвах», корчат из себя людей... Бармен – тоже, хоть бы кондиционер не поленился включить!

Вовсе не даровая выпивка удерживала меня за столом – надо же было дожидаться своего «благодетеля», раз обещал. И тут меня осенило: прежде чем уйти, он как раз глядел в сторону марсиан. Может, это он из-за них? Я попытался понять, наблюдают они за нашим столиком или нет, но как понять, куда марсианин смотрит и о чем думает? Вот за это тоже их не люблю.

Какое-то время я занимался своей выпивкой и гадал, куда же подевался мой приятель-космолетчик. Была у меня надежда, что благосклонность его примет, скажем, форму обеда, а если мы проникнемся друг к другу симпатией, то, возможно, и беспроцентной ссуды. Прочие виды на будущее, честно говоря, удручали – дважды уже звонил своему агенту и натыкался на автоответчик. А ведь дверь номера не пустит меня ночевать, если я не найду для нее монетки. Да, да, я пал столь низко, что спал в конуре с автооплатой.

Вконец погрязнуть в черной меланхолии не позволил официант, тронувший меня за локоть:

– Вам вызов, сэр.

– А? А, спасибо, приятель. Тащите сюда аппарат.

– Простите, сэр, не могу. Это в вестибюле, кабина двенадцать.

– Благодарю вас. – Я вложил в ответ столько душевности, сколько стоили чаевые, которых у меня не было. Как можно дальше обойдя марсиан, я выбрался в вестибюль.

Здесь стало понятно, почему аппарат не подали к столу. Номер 12 оказался кабиной повышенной защиты, полностью недоступной для подглядывания, подслушивания и тому подобного. Изображения в стереокубе не было и не появилось, даже когда я закрыл за собой дверь. Куб сиял белизной, пока я не сел, так что лицо мое оказалось напротив передатчика. Опалесцирующее сияние наконец рассеялось, и на экране появился давешний незнакомец.

– Извините, пришлось вас покинуть, – быстро заговорил он, – я должен был спешить. У меня есть к вам дело. Приходите в «Эйзенхауэр», номер две тысячи сто шесть.

И опять без всяких объяснений! «Эйзенхауэр» подходит для космолетчика ничуть не больше, чем «Каса Маньяна». Похоже, пахнет от этого дельца: кто ж станет так настойчиво зазывать в гости случайного знакомого из бара? Если, конечно, речь не о лице противоположного пола.

– А зачем? – спросил я.

Космолетчик, похоже, к возражениям не привык. Я наблюдал с профессиональным интересом: выражение его лица не было сердитым, о нет – оно скорее напоминало грозовую тучу перед бурей. Но он взял себя в руки и ответил спокойно:

– Лоренцо, у меня нет времени на болтовню. Вам нужна работа?

– *Ангажемент*, вы хотите сказать?

Я отвечал медленно. На какой-то ужасный миг мне показалось, что он предлагает мне... Ну, знаете, работу – когда *работают*. До сих пор я не поступался профессиональной честью, несмотря на пращи и стрелы яростной судьбы.

– Разумеется ангажемент, самый настоящий! – быстро ответил он. – И нужен самый лучший актер, какой только есть.

Я изо всех сил постарался сохранить на лице невозмутимость. Да я согласился бы на любой ангажемент – даже на роль балкона в «Ромео и Джульетте». Но нанимателю это знать совершенно ни к чему.

– А именно? У меня довольно плотный график.

Но он на это не купился.

– Остальное не для видеофона. Может, вы и не знаете, но я вам скажу: есть оборудование и против этой защиты. Давайте скорей сюда!

Похоже, я был нужен ему позарез. А раз так, можно было немного и поломаться.

– Вы за кого меня держите? Я вам что, мальчик на побегушках? Юнец, готовый на все ради привилегии сказать полторы реплики? Я – Лоренцо! – Тут я, задрав подбородок, принял оскорбленный вид. – Что вы предлагаете? Только конкретно.

– А, чтоб вас! Не могу я об этом по видео. Сколько вы обычно берете?

– Мм... Вы спрашиваете про гонорар?

– Да, да!

– За выход? Или за неделю? Или, может, вы имеете в виду длительный контракт?

– Вздор, вздор. Сколько вы берете за вечер?

– Моя минимальная ставка – сто империалов за выход.

Здесь я, между прочим, не врал. Да, порой мне приходилось платить чудовищные откаты, но в чеке всегда стояла сумма не меньше моей минимальной ставки. Человек должен себя уважать. Лучше уж затяну ремень потуже да немного перетерплю.

– Ладно, – тут же отозвался он, – сотня ваша, как только вы здесь появитесь. Только поскорей!

– А?

Лишь сейчас до меня дошло, что можно было заломить и двести, и даже двести пятьдесят.

– Но я еще не согласился!

– Вздор! Обговорим это у меня. Сотня в любом случае ваша. А если согласитесь, назовем ее, скажем, премией сверх гонорара. Ну идете вы, наконец?

– Сейчас, сэр. – Я поклонился. – Подождите немного.

К счастью, от «Касы» до «Эйзенхауэра» недалеко – ехать мне было бы не на что. Но хотя искусство пешей ходьбы в наше время утрачено, я-то им владел в совершенстве, а пока шел – собрался с мыслями. Не дурак ведь – прекрасно понимал, если кто-то так настойчиво предлагает ближнему своему деньги, для начала стоит оценить карты. Наверняка здесь что-то опасное или противозаконное. Или то и другое сразу. Соблюдение законов меня беспокоило мало – закон частенько оказывается идиотом, как сказал Бард, и я обеими руками его поддерживаю. Однако, как правило, стараюсь «не занимать левый ряд».

Пока что фактов было недостаточно, а потому – не стоило брать в голову. Я закинул плащ на плечо и шел, наслаждаясь мягкой осенней погодой и запахами большого города.

Парадным входом я пренебрег и поднялся пневмотрубой из цоколя на двадцать первый этаж. Что-то подсказывало: здесь не место и не время для встреч с восторженной публикой.

На стук отворил мой приятель-«дальнобойщик».

– Долго вы добирались, – буркнул он.

– М-да?

Я пропустил замечание мимо ушей и огляделся. Номер, как я и думал, оказался из дорогих, однако каков бардак! Я насчитал не меньше дюжины невымытых стаканов и столько же кофейных чашек – судя по всему, народу здесь уже побывало тьма. С дивана сердито уставилась какая-то незнакомая личность – наверняка тоже космолетчик. Мой вопросительный взгляд остался без ответа, – похоже, знакомство в программу вечера не входило.

– Наконец-то! Итак, к делу.

– ...Которое, – подхватил я, – напоминает о некоей премии или, скажем, авансе...

– А, верно.

Он обернулся к лежащему на диване:

– Джок, заплати.

– За что?

– *Заплати!*

Теперь стало ясно, кто здесь главный. Хотя будущее показало, что, если в помещении находился Дэк Бродбент, вопрос «кто тут главный» решался однозначно. Джок мгновенно поднялся и, все еще хмурясь, отключил мне полусотенную и пять десятков. Я спрятал деньги, не пересчитывая, и сказал:

– К вашим услугам, джентльмены.

Здоровяк пожевал губами:

– Для начала я хотел бы, чтоб вы поклялись не заикаться об этой работе даже во сне.

– Если вам мало моего слова, то чем лучше будет клятва? – Я обратился ко второму, который вновь улегся на диван: – Нас, похоже, не представили. Меня зовут Лоренцо.

Он мельком глянул на меня и отвернулся. Мой знакомый из бара поспешно вставил:

– Имена тут ни к чему.

– Да? Знаете, мой незабвенный родитель на смертном одре взял с меня клятвенное обещание: во-первых, не мешать виски ни с чем, кроме воды, во-вторых, не читать анонимных писем, а в-третьих, не иметь дел с человеком, не желающим себя называть. Удачи вам, господа!

Я направился к выходу. Сотня империалов приятно согревала меня сквозь карман.

– Погодите!

Я остановился.

– Ладно, вы правы. Меня зовут...

– *Капитан!*

– Да брось ты, Джок. Мое имя – Дэк Бродбент, а этого невежу зовут Жак Дюбуа. Оба мы «дальнобойщики», пилоты-универсалы: любые корабли, любые ускорения.

– Лоренцо Смайт, – скромно раскланялся я. – Лицедей и подражатель, член клуба «Агнцы».

Кстати, когда я в последний раз платил членские взносы?

– Замечательно. Джок, хоть улыбнись для разнообразия! Ну как, Лоренцо, сохраните вы наше дело в секрете?

– Буду нем как могила. Слово джентльмена джентльмену.

– Независимо от того, возьметесь ли?

– Независимо от того, достигнем мы соглашения или нет. Я человек слова, и, если ко мне не применят незаконных методов допроса, ваш секрет умрет вместе со мной.

– Лоренцо, я прекрасно знаю, что делает с человеком неодексокаин. Невозможного мы с вас не спросим.

– Дэк, – торопливо встрял Дюбуа, – погоди. Надо хотя бы...

– Заткнись, Джок. На этом этапе я не хочу прибегать к гипнозу. Так вот, Лоренцо, для вас есть работа – как раз по части перевоплощений. И перевоплощение должно быть такое, чтобы никто – ни одна живая душа не заметила разницу с оригиналом. Вы это сможете?

Я сдвинул брови:

– Не понял – смогу или захочу? Вам, собственно, для чего?

– Детали обсудим позже. В двух словах – нам нужен дублер для одного весьма популярного человека. Загвоздка в том, что надо обмануть даже тех, кто его знает близко. А это немного сложнее, чем принимать парад с трибуны или вручать медали скаутам. – Он пристально посмотрел мне в глаза. – Тут должен быть настоящий мастер, Лоренцо.

– Нет, – тотчас ответил я.

– Вот тебе раз... Вы же еще ничего толком не знаете! Если вас мучает совесть, так могу вас успокоить: тому, кого вы сыграете, вреда от этого никакого. И ничьих законных интересов не ущемляет. Мы вынуждены его подменять.

– Нет.

– Но почему, черт возьми?! Вы даже не представляете, сколько мы можем вам заплатить!

– Не в деньгах дело, – твердо отвечал я. – Я актер. А не дублер.

– Ничего не понимаю! Туча актеров кормится тем, что копирует знаменитостей!

– Ну, это – шлюхи, а не актеры. Я так не хочу. Кто уважает литературных негров? Или художников, позволяющих другому подписаться под своей работой ради *денег*? В вас нет творческой жилки. Чтобы было понятней, вот вам такой пример: стали бы вы – ради *денег* – принимать управление кораблем, пока кто-то другой гуляет в вашей форме по палубе и, ни бельмеса в вашем деле не смысля, называется пилотом экстра-класса? Стали бы?

– А за сколько? – фыркнул Дюбуа.

Бродбент метнул в него молнию из-под бровей:

– Да, похоже, я вас понимаю.

– Для артиста, сэр, первым делом – признание. А деньги – так... Подручный материал, благодаря которому мы можем творить свое искусство.

– Хм. Ладно. Ради денег вы за это братья не хотите. А если, скажем, вы убедитесь, что никто, кроме вас, тут не справится?

– Может быть. Хотя трудновато вообразить подобные обстоятельства.

– Зачем воображать. Мы сами все объясним.

Дюбуа вскочил с дивана:

– погоди, Дэк! Ты что, хочешь...

– Сиди, Джок! Он должен знать.

– Не сейчас и не здесь! И ты никакого права не имеешь подставлять всех из-за него! Ты еще не знаешь, что он за птица.

– Ну, это – допустимый риск.

Бродбент повернулся ко мне. Дюбуа сцапал его за плечо и развернул обратно:

– К чертям твой допустимый риск! Дэк, мы с тобой давно работаем в паре, но если сейчас ты раскроешь пасть... Кто-то из нас уж точно больше ее никогда не раскроет!

Казалось, Бродбент удивлен. Глядя на Дюбуа сверху вниз, он невесело усмехнулся:

– Джок, старина, ты уже настолько подрос?

Дюбуа свирепо уставился на него. Уступать он не хотел. Бродбент был выше его на голову и фунтов на двадцать тяжелей. Я поймал себя на том, что Дюбуа мне, пожалуй, симпатичен. Меня всегда трогала дерзкая отвага котенка, бойцовский дух бентамского петушка или отчаянная решимость «маленького человека», восклицающего: «Умираю, но не сдаюсь!» И так как Бродбент, похоже, не собирался его убивать, я решил, что Джоком сейчас подотрут пол.

Вмешиваться я, однако, не собирался. Всякий волен быть битым, когда и как пожелает.

Напряжение между тем нарастало. Вдруг Бродбент расхохотался и хлопнул Дюбуа по плечу:

– Молоток!

Затем повернулся ко мне и спокойно сказал:

– Извините, мы вас оставим ненадолго. Мне с моим другом надо... кое о чем переговорить.

Номер, как и все подобные номера, был оборудован «тихим уголком» с видео и авто-секретарем. Бродбент взял Дюбуа под локоть и отвел туда. Между ними сразу же завязалась оживленная беседа.

В дешевых гостиницах такие «уголки» не всегда полностью глушат звук. Однако «Эйзенхауэр» – отель люкс и оборудование, конечно, имел соответствующее. Я мог видеть, как шевелятся их губы, но при этом не слышал ни звука.

Впрочем, губ мне было достаточно. Лицо Бродбента находилось прямо передо мной, а Дюбуа отражался в стенном зеркале напротив. Когда-то я был неплохим «чтецом мыслей» и не раз с благодарностью вспоминал отца, лупившего меня до тех пор, пока я не освоил безмолвный язык губ. «Читая» мысли, я требовал, чтобы зал был ярко освещен, и пользовался очками с... Ну, это не важно. В общем, по губам я читать умел.

Дюбуа говорил:

– Дэк, ты безмозглый, неисправимый и совершенно невозможный придурок! Ты, может, желаешь со мной на пару загреметь на Титан – считать булыжники? Да это самодовольное ничтожество тут же в штаны наложит!

Я чуть не проморгал ответ Бродбента. Ничтожество, это ж надо! Самодовольное! Помимо вполне трезвой оценки своей гениальности, я всегда полагал себя человеком, в общем-то, скромным...

Бродбент: «...не важно, что карты с подвохом, когда заведение в городе одно. Джок, выбирать нам не из чего!»

Дюбуа: «Ну так привези сюда дока Чапека, пусть применит гипноз, веселящего вколет... Но не вздумай ему открываться, пока он не созрел и пока мы на грунте!»

Бродбент: «Чапек сам говорил, что на один гипноз да химию надежды никакой. Нужно, чтобы он сотрудничал с нами, понимаешь, сотрудничал! Сознательно!»

Дюбуа фыркнул: «Какой там „сознательно“ – ты посмотри на него! Видал когда-нибудь петуха, вышагивающего по двору? Да, с виду этот тип вылитый шеф, черепушка такой же формы... Но внутри-то она пустая! Нервишки не выдержат, сорвется и все испортит! Ни за что такому не сыграть, как надо, – он не актер, а одно название!»

Если бы бессмертного Карузо обвинили в том, что он «пустил петуха», он и то бы не оскорбился сильнее. Однако, думаю, в тот миг я не посрамил мантию Бёрбеджа и Бута, так как продолжал спокойно полировать ногти. Впрочем, про себя я решил, что в один прекрасный день заставлю приятеля Дюбуа сперва смеяться, а затем – плакать, и все это в течение двадцати секунд. Я подождал еще немного, поднялся и направился в «тихий уголок». Они моментально заткнулись. Тогда я негромко сказал:

– Бросьте, господа. Я передумал.

Дюбуа несколько расслабился:

– Так вы отказываетесь?

– Я имею в виду, вы меня ангажировали. И можете ничего не объяснять. Дружище Бродбент уверял, что работа не побеспокоит мою совесть. Я ему верю. Насколько я понял, нужен актер. Деловые заботы моего продюсера меня не касаются. Я согласен.

Дюбуа разозлился, но промолчал. Я думал, Бродбент будет доволен и перестанет нервничать, но он обеспокоился пуще прежнего.

– Ладно, – согласился он, – продолжим. Лоренцо, не могу сказать, на какой срок вы понадобитсяе. Но не больше нескольких дней. И то играть придется раз или два – по часу, примерно.

– Это не так уж важно. Главное, чтобы я успел как следует войти в роль... Так сказать, перевоплотился. Но все же – сколько дней я буду занят? Нужно ведь предупредить моего агента...

– Э нет. И речи быть не может.

– Но – сколько? Неделя?

– Меньше. Иначе – мы идем ко дну.

– А?

– Ничего, не обращайтесь внимания. Сто империалов в день вас устроят?

Я немного помялся, но вспомнил, как легко он выложил сотню за короткий разговор со мной, и решил, что самое время побыть бескорыстным. Я махнул рукой:

– Это – потом. Не сомневаюсь, вы заплатите гонорар, соразмерный важности моей работы.

– Отлично.

Бродбент в нетерпении повернулся к Дюбуа:

– Джок, свяжись с ребятами. Потом позвони Лэнгстону, скажи: начинаем по плану «Марди Гра». Пусть сверяется с нами. Лоренцо...

Он кивнул мне, и мы прошли в ванную. Там он открыл небольшой ящичек и спросил:

– Сможете что-нибудь сообразить из этой ерунды?

Ерунда и есть – из тех непрофессиональных, но с претензией составленных гримерных наборов, какие приобретают недоросли, жаждущие славы великих артистов. Я оглядел его с легким презрением:

– Я так понимаю, сэр, вы хотите начать *прямо сейчас*? И без всякой подготовки?

– А? Нет-нет! Я хочу, чтобы вы... изменили лицо. Чтобы никто не узнал вас, когда мы отсюда выйдем. Это, наверное, не сложно?

Я холодно ответил, что быть узнаваемым – тяжелое бремя любой знаменитости. И даже не стал добавлять, что Великого Лоренцо во всяком публичном месте узнают толпы народу.

– О'кей. Тогда сделайте кем-нибудь другим.

Он круто повернулся и вышел. Я, покачивая головой, осмотрел то, что Дэк считал моими орудиями производства. Грим – в самый раз для клоуна, вонючий театральный клей, фальшивые волосы, с мясом выдранные из ковра в гостиной тетюшки Мэгги... Силикоплоты вообще ни унции, не говоря уж об электрощетках и прочих удобных новинках нашего ремесла. Но если ты действительно мастер, то способен творить чудеса, обходясь лишь горелой спичкой или тем, что найдется на любой кухне. Плюс собственный гений, разумеется. Я поправил свет и углубился в творческий поиск.

Есть разные способы делать знакомое лицо незнакомым. Простейший – отвлечь внимание. Засуньте человека в мундир, и его лица никто не заметит. Ну-ка, припомните *лицо* последнего встреченного вами полисмена! А смогли бы вы узнать его в штатском? То-то. Можно также привлечь внимание к отдельной детали лица. Приклейте кому угодно громадный нос, украшенный к тому же малиново-красным прыщом. Какой-нибудь невежа в восторге уставится на этот нос, а человек воспитанный – отвернется. И никто не запомнит ничего, кроме носа.

Но этот примитив я отложил до другого раза. Моему нанимателю, как я понял, требовалось, чтобы меня не заметили вовсе. Это уже потрудней: обращать на себя внимание куда легче. Требовалось самое распростецкое, незапоминающееся лицо, вроде истинного лица бессмертного Алека Гиннеса. Мне же с физиономией не повезло: слишком уж она аристократически утонченна, слишком красива – худшее из неудобств для характерного актера. Как говаривал отец: «Ларри, ты чересчур смазлив! Если вместо того, чтобы учиться ремеслу, будешь валять дурака, то пробегаешь лет пятнадцать в мальчишках, воображая, что ты актер, а остаток жизни проторчишь в фойе, торгуя леденцами. „Дурак“ и „красавчик“ – два самых оскорбительных амплуа в шоу-бизнесе, и оба тебе под стать».

Потом он доставал ремень и начинал стимулировать мой мозг. Отец был психологом-практиком и свято верил, что регулярный массаж *glutei maximi*¹ посредством ремня весьма способствует оттоку лишней крови от детского мозга. Теория, возможно, хлипковата, но результаты налицо: когда мне стукнуло пятнадцать, я делал стойку на голове на слабо натянутом канате, декламировал страницу за страницей из Шекспира и Шоу, а из прикуривания сигареты мог устроить целый спектакль.

Я все еще размышлял, когда Бродбент заглянул в ванную.

– Да господи ты боже!.. – завопил он. – Вы и не начинали?

Я холодно глянул на него:

– Я так понял – вам нужна моя лучшая творческая работа. А сможет, к примеру, повар, будь он хоть *cordon bleu*², приготовить какой-нибудь новый соус, сидя на лошади, скачущей галопом?

– К дьяволу всех лошадей! – Он посмотрел на часы. – У вас еще шесть минут. Если не уложитесь, придется выходить как есть.

Ладно. Конечно, времени бы побольше, однако я дублировал отца в его коронном номере «Убийство Хьюи Лонга» (пятнадцать лиц за семь минут) и однажды сыграл на девять секунд быстрее!

– Стойте, где стоите, – бросил я. – Момент.

И я стал Бенни Греем – ловким, неприметным человечком, убивающим направо и налево в «Доме без дверей». Два легких мазка от крыльев носа к уголкам рта – для придания щекам безвольности, мешки под глазами и землистый «Макс Фактор № 5» поверх всего. На все около

¹ Большие ягодичные мышцы (*лат.*).

² Шеф-повар, выдающийся кулинар (*фр.*).

двадцати секунд – я мог бы наложить этот грим во сне. «Дом» выдержал девяносто два представления, прежде чем его записали на видео.

Я повернулся к Бродбенту. Тот ахнул:

– Господи! Прямо не верится...

Продолжая быть Бенни Греем, я даже не улыбнулся. Он и вообразить не мог, что вполне можно обойтись без грима! С гримом, конечно, проще, но мне он нужен был исключительно для Бродбента. Тот в простоте душевной полагал, что все дело в краске да пудре.

А Бродбент все еще глазел на меня.

– Слушайте, – умерив голос, протянул он, – а нельзя ли проделать такое со мной? Только быстро.

Я уже собрался ответить «нет», но тут понял, что это своего рода вызов моему мастерству. Ужасно захотелось сказать: попади он в руки моему отцу пятилетним, сейчас был бы готов торговать на улице сахарной ватой. Однако я придумал нечто получше:

– Вы просто хотите, чтобы вас не узнали?

– Да-да! Можно меня наштукатурить как следует, наклепить фальшивый нос или еще чего?

Я покачал головой:

– Как бы я вас ни «штукатурил», все равно будете не лучше мальчишки на Хеллоуин. Играть-то вы не умеете, и учиться поздновато. Ваше лицо трогать не будем.

– Все же... Если приделать мне этакий рубильник...

– Послушайте, «этакий рубильник» только привлечет к вам внимание, будьте уверены! Как вам понравится, если кто-нибудь из знакомых, увидев вас, скажет: «А здорово этот верзила похож на Дэка Бродбента! Прямо вылитый, разве что нос другой»?

– А? Меня такое устроит. То есть пока он уверен, что это не я. Я-то сейчас должен быть... В общем, на Земле меня нет.

– Он будет абсолютно уверен, что это не вы. Походка – вот ваша основная беда. Мы ее поменяем, и это будете вовсе не вы, а любой другой высокий, плечистый парень, немного смахивающий на Дэка Бродбента.

– О'кей. Как я должен ходить?

– Нет, вы этому не научитесь. Мы *заставим* вас ходить, как надо.

– Это как?

– Насыплем мелких камешков в носки башмаков. Это вынудит вас опираться больше на пятки и ходить прямее. Таким образом, вы избавитесь от скрюченности и кошачьих повадок космолетчика. Мм... А лопатки стянем клеейкой лентой, чтобы вы не забывали расправлять плечи. Этого будет вполне достаточно.

– Думаете, стоит изменить походку, и меня не узнают?

– Мало того – никто не сможет сказать, почему так уверен, что перед ним не вы. Подсознательная уверенность не оставит никаких сомнений. Можно, если хотите, поработать еще и с лицом, просто ради вашего спокойствия...

Мы вышли из ванной. Я, конечно, оставался Бенни Греем: если уж вошел в роль, требуется некоторое усилие, чтоб вновь стать самим собой. Дюбуа занимался видеофоном. Он поднял глаза, увидел меня, и у него отвисла челюсть. Джок, как ошпаренный, вылетел из «тихого уголка» и заорал:

– Это еще кто? Где актер?

На меня он посмотрел лишь мельком: Бенни Грей – этакий вялый, неприглядный мужичонка, смотреть не на что.

– Какой актер? – поинтересовался я ровным, бесцветным голосом Бенни.

Дюбуа одарил меня еще одним взглядом и вновь отвернулся бы, кабы не обратил внимания на одежду. Бродбент, расхохотавшись, хлопнул товарища по плечу:

– Тебе, помнится, не нравилась его игра?

Затем уже другим тоном:

– Со всеми успел связаться?

– Д... да. – Дюбуа, совершенно убитый, еще раз посмотрел на меня и отвел взгляд.

– О'кей. Через четыре минуты нужно сваливать. Посмотрим, Лоренцо, как быстро вы обработаете меня.

Дэк успел снять ботинок, куртку и взялся за сорочку. Тут засветился сигнал над дверью и зажуужал зуммер. Дэк застыл:

– Джок, мы что, ждем кого-то?

– Это Лэнгстон, наверно. Он говорил – может, успеет заскочить до того, как мы отчалим.

Дюбуа направился к двери:

– Не похоже. Это скорее...

Я так и не успел узнать, на кого похоже это скорее. Дюбуа отворил. В дверях, будто гигантская поганка из ночного кошмара, стоял марсианин.

Какое-то время я не видел ничего, кроме марсианина. И не замечал ни Жезла Жизни в его ложнолапах, ни человека за его спиной.

Марсианин скользнул в комнату, человек последовал за ним. Дверь захлопнулась.

– Добрый день, господа, – проквашал марсианин. – Уже уходите?

Меня скрутил острый приступ ксенофобии. Дэк, запутавшийся в рукавах сорочки, был вне игры. Но малыш Джок Дюбуа проявил подлинный героизм и стал мне больше чем братом. После смерти, к сожалению...

Он бросился на Жезл, заслонив собой нас.

Скорее всего, Джок умер еще прежде, чем упал. В животе его зияла дыра, куда свободно прошел бы кулак. Но перед смертью он успел сжать в руках ложнолапу и, падая, не отпустил. Она вытянулась, словно сливочная тянучка, и лопнула у самого основания. Несчастный Джок продолжал сжимать Жезл в мертвых пальцах.

Человеку, пришедшему с этой вонючкой, пришлось отскочить, чтобы достать пушку. И тут он прокололся: нужно было пристрелить сперва Дэка, а затем меня. Вместо этого он пальнул в мертвого Джок, а второго выстрела Дэк ему не оставил, попав точно в лоб. Ишь ты, а я и не знал, что Дэк при оружии!

Марсианин даже не пытался смяться. Поднявшись, Дэк подошел к нему и сказал:

– А, Ррингрийл. Вижу тебя.

– Я вижу тебя, капитан Дэк Бродбент, – проквашал марсианин. – Ты скажешь моему Гнезду?

– Я скажу твоему Гнезду, Ррингрийл.

– Благодарю тебя, капитан Дэк Бродбент.

Длинный костлявый палец Дэка целиком вошел в ближайший глаз марсианина, достав, похоже, до самого мозга. Дэк выдернул палец – весь он был вымазан отвратительной зеленоватой слизью. В агонии тварь втянула ложнолапу в «ствол», но даже мертвая оставалась стоять на своей подошве. Дэк бросился в ванную, там зашумела вода. Я застыл в столбняке, не в силах двинуться с места, совсем как сдохший Ррингрийл.

Появился Дэк, вытирая руки о рубаху:

– Нужно их убрать, и быстро!

Ничего себе – «вытри стол»!

Я решил выяснить отношения. Одной, довольно путаной, фразой объяснил ему, что в это дело вступать не желаю, что теперь нужно вызывать полицию, и я хочу свалить до того, как здесь будут ищейки, и пошел он – не скажу куда – со своими перевоплощениями, а я намерен, расправив крылышки, упорхнуть в окно. Дэк отмахнулся:

– Не трясись, Лоренцо. Мы в цейтноте. Помоги-ка оттащить их в ванную.

– А? Бог с тобой! Запрет номер, и ноги в руки! Авось на нас не подумают.

– Авось не подумают, – согласился он, – никто не знает, что мы здесь. Но они без труда догадаются, что Джока убил Рррингрийл. Вот *этого* допустить нельзя. Сейчас – нельзя.

– А?

– Мы не можем позволить газетчикам растрезвонить, что марсианин убил человека! Заткнись и помогай.

Я заткнулся и стал помогать. К счастью, мне вспомнилось, что Бенни Грей был худшим из маньяков-садистов, когда-либо баловавшихся расчлененкой. Он-то и оттащил оба тела в ванную, пока Дэк, вооружившись Жезлом, довольно умело разделял Рррингрийла на мелкие кусочки. Первый надрез он постарался провести так, чтобы не задеть мозговой полости, и проделал это довольно чисто. Однако помочь ему я все равно бы не смог. По-моему,дохлый марсианин воняет куда хуже живого.

Ублиетка нашлась тут же, в стене, за биде, но, если бы не традиционный трилистник – значок радиации, мы бы ее долго искали. Сбросив туда останки Рррингрийла – у меня даже достало храбрости помочь, – Дэк все тем же Жезлом принялся расчленять трупы людей, спуская кровь в ванну.

Ну и кровящи в человеке! Мы полностью открыли краны, но работа все равно была грязная. А взявшись было за бедного малыша Джока, Дэк вдруг остановился. На глазах его показались слезы, он сделался как слепой, и я забрал у него Жезл, пока он не отхватил себе пальцы. Бенни Грей вновь занялся привычной работой.

Когда я закончил, в номере не осталось никаких следов двух людей и марсианского монстра. Тщательно вымыв ванну, я наконец разогнулся. В дверях возник Дэк. Он был спокоен, будто ничего не случилось.

– Я проверил, не осталось ли чего на полу. Если сюда доберется криминалист со своим оборудованием, он запросто установит, как было дело. Но он, надо думать, не доберется. Пошли! Нужно наверстать почти двенадцать минут.

Мне и в голову не пришло спрашивать – куда и зачем.

– Сейчас подкуем тебе башмаки...

Дэк замотал головой:

– Нет, жать будут. Теперь главное – скорость.

– Хозяин – барин, – ответил я и отправился за ним.

У двери он притормозил:

– Да. Неподалеку могут быть другие. Если что – стреляй, иного выхода нет.

Жезл Жизни он держал наготове, прикрыв его плащом.

– Марсиане?

– Или люди. Или смешанным составом.

– Дэк, а Рррингрийл был с теми, в баре «Маньяна»?

– Ну да! С чего же я, по-твоему, все ходил вокруг да около, а после притащил тебя сюда?

Похоже, они сели тебе на хвост. Или мне. Да ты не узнал его разве?

– Еще чего, конечно не узнал. Эти твари, на мой взгляд, все одинаковые.

– Ну, они то же самое про нас говорят. А в баре был Рррингрийл, его парный брат Ррринглатх и еще двое из их Гнезда или побочных линий. Все, пора. Увидишь марсианина, стреляй. Вторую пушку прихватил?

– Да. И знаешь, Дэк... Ничего в ваших делах не понимаю, но, пока эти твари против вас, я с вами. Терпеть не могу марсиан.

Он ошарашенно уставился на меня:

– Не пори ерунду! Вовсе мы не боремся с марсианами. Те четверо – просто ренегаты!

– Ка-ак?!

– Приличных марсиан очень много, то есть почти все. Да и Рррингрийл – не из худших. Славно я, бывало, поигрывал с ним в шахматшки...

– Ах вон оно что... Ну, коли так...

– Кончай. Поздно отступать. Марш к пневмотрубе! Я прикрою.

Я закрыл рот. Спорить не приходилось – действительно, по самые брови увяз.

Мы спустились в цоколь и двинули на скоростную линию, к экспресс-капсулам. Одна двухместная как раз оказалась свободна. Дэк буквально впихнул меня внутрь, я даже не заметил, что за код он набирает, но, когда перегрузка отпустила, я не очень удивился мигающей надписи: «Космопорт Джефферсон – просьба освободить капсулу».

Плывать мне было, какая станция, – лишь бы подальше от «Эйзенхауэра». Несколько минут полета в вакуумном туннеле хватило для разработки плана – приблизительного, поверхностного, подверженного, как пишут в изящных романах, изменениям в связи с обстоятельствами, но все же – плана. Он состоял из одного слова: «БЕЖАТЬ!»

Еще утром я считал бы его невыполнимым: в нынешнем обществе человек без денег беспомощней младенца. Однако с сотней монет в кармане я мог слиться далеко и быстро. Я не чувствовал себя обязанным Дэку Бродбенту. Ради каких-то своих – не моих! – собственных целей он чуть не подставил меня под пулю. Затем – втянул в сокрытие преступления. И вот теперь заставляет бегать от закона. Но полиция – пока – за нами не охотится, а значит, отвязавшись от Бродбента, я могу спокойно забыть все как дурной сон. Вряд ли меня заподозрят, если дело когда-нибудь и всплывет, – слава богу, любой джентльмен носит перчатки, и свои я снимал, лишь гримируясь да еще пока занимался той дьявольской «уборкой».

Замыслы Дэка меня вовсе не трогали – бурный прилив щенячьего героизма при мысли, что он воюет с марсианами, не в счет. Остатки симпатии улетучились, едва я обнаружил его дружелюбие к инопланетным тварям. Перевоплощаться по указке Дэка Бродбента – да ни за какие коврижки! Катись он к дьяволу! Все, чего я хочу от жизни, – это немного денег на поддержание души в теле плюс – сцена. Отродясь не любил играть в полицейских и гангстеров – самый захудалый театр интересней.

Порт Джефферсон был будто создан для моего плана. Теснота, суэта, гвалт, паутина вакуум-туннелей вокруг – если Дэк оставит меня хоть на полсекунды без присмотра, я уже буду на полпути к Омахе. Там отсижусь несколько недель, потом свяжусь с агентом, выясню, не справлялся ли кто насчет меня.

А Дэк, видать, что-то почуял – капсулу мы покинули одновременно, иначе б я просто захлопнул дверь и удрал. Но тут оставалось только делать вид, будто я ничего не заметил, и держаться рядом, словно щенок. Мы поднялись по эскалатору в верхний холл, прошли между кассами «Пан-Ам» и «Америкен скайлайнс», и Дэк решительно устремился через зал ожидания к стойке «Диана лимитед». Я было подумал, он хочет купить билеты на шаттл до Луны. Как он собирается протащить меня на борт без паспорта и справки о вакцинации, я не знал, однако представление о его предприимчивости уже имел. Значит, слиняю, когда вынет бумажник: если человек считает деньги, то сосредоточится же на них хоть на несколько секунд! Но мы не свернули к кассам «Дианы», а прошли под вывеску «Частные стоянки». Здесь пассажиров не было, одни голые стены вокруг. Я с досадой подумал, что прозевал отличную возможность затеряться в толчее зала ожидания.

– Дэк! Мы что, летим куда-то?

– Конечно.

– Дэк, ты спятил. У меня ж бумаг – никаких. Даже туристского пропуска на Луну!

– И не надо.

– Да? Меня остановят на паспортном контроле. А потом здоровый бычара-коп начнет задавать мне вопросы.

На мое плечо легла ладошка с доброго кота величиной.

– Не будем терять время. Зачем нам паспортный контроль, официально ты никуда не летишь. А меня так и вовсе здесь нет. Вперед, старина!

Не такой уж я маленький, и с мускулами все в порядке, но показалось, что вытаскивает меня из потока машин дорожный робот. Завидев дверь с буквой «М», я предпринял отчаянную попытку вырваться:

– Ну полминуты, Дэк, пожалуйста! Ты же не хочешь, чтоб я в штаны напустил?

Он только усмехнулся:

– Да-а? Ты перед уходом из отеля там был.

Даже шаг не замедлил, не говоря уж – отпустить меня...

– Почки последнее время пошаливают...

– Лоренцо, старина, нюхом чую – пятки у тебя пошаливают, а не почки. Знаешь, я вот что сделаю. Во-он того быка видишь? – (В конце коридора, у самого выхода к стоянкам, страж порядка предавался отдыху, взгромоздив свои сапожищи на стойку.) – Так я что говорю – очень уж меня совесть заела. Просто необходимо исповедаться – как ты пришел вошедшего марсианина и двух своих сопланетников, а потом, наставив на меня пушку, принудил помочь избавиться от трупов, как...

– Ты что, спятил?!

– Полностью, приятель, – от таких-то волнений! Опять же совесть...

– Но... Ты же не мое мне клеишь!

– Да-а? Это как сказать. Думаю, моя история прозвучит более убедительно, чем твоя. Я все знаю об этом деле, а ты нет. Я знаю о тебе все, а ты обо мне ничего. Вот, к примеру...

И он напомнил мне пару тех давних проделок, которые я твердо считал похороненными навеки. Черт с ним, выступал я раза два в «холостяцких шоу». Не для семейного просмотра, но человеку надо на что-то жить! А что касается Биби – это с его стороны просто непорядочно. Откуда я мог знать, что она несовершеннолетняя? Ну, тот счет в гостинице... да, в Майами-Бич за попытку сбежать, не заплатив, карают как за вооруженный грабеж, но это же просто провинциальная дикость. И я бы заплатил, будь у меня деньги. Что до злополучного происшествия в Сиэтле... короче, я пытаюсь сказать, что Дэк и правда поразительно много обо мне знал, но все истолковывал в неправильном свете. И все же...

– Ну что ж, – продолжал Дэк, – подойдем сейчас к нашему глубокоуважаемому жандарму и во всем чистосердечно раскаемся. И ставлю семь против двух, что знаю, кого первым выпустят под залог!

За разговором мы миновали полисмена. Он болтал с сидевшей за барьером дежурной и на нас даже не посмотрел. Дэк вынул откуда-то два пропуска с надписью: «РАЗРЕШЕНИЕ НА ОБСЛУЖИВАНИЕ – стоянка К-127» – и сунул их под монитор. Монитор считал информацию и высветил указание взять машину на верхнем уровне, код Кинг-127. Дверь распахнулась, механический голос произнес:

– Будьте осторожны. Внимательно следите за радиационными предупреждениями. За несчастные случаи на поле компания ответственности не несет.

Усевшись в небольшую машину, Дэк набрал абсолютно другой код. Машина, развернувшись, юркнула в какой-то туннель. Куда нас несет – меня совершенно не волновало: теперь все едино.

Мы вылезли из машины, и она отправилась обратно. Прямо передо мной к далекому стальному потолку поднималась лесенка. Дэк подтолкнул меня к ней:

– Давай скорей!

Добравшись до люка в потолке, я увидел надпись: «ОПАСНО! РАДИАЦИЯ! Находиться не более 13 секунд». Цифры были вписаны мелом. Пришлось затормозить. Заводить детей я, конечно, не собирался, однако и дураком себя не считал. Дэк оскалился:

– Ах, вы сегодня не в свинцовых подштанниках? Открывай и давай быстро на корабль! Если не канителиться, уложишься с трехсекундным запасом.

Думаю, я уложился с пятисекундным, прыгая через две ступеньки. Футов десять пробежал под открытым небом, затем нырнул в люк корабля.

Кораблик был невелик. Во всяком случае, рубка тесная; рассматривать снаружи времени не было. До этого я летал лишь на лунных шаттлах – «Евангелине» и «Гаврииле»; это когда по глупости согласился выступать на Луне в компании еще с несколькими простаками. Наш импресарио полагал, что акробатика, пляски на канате и вообще всякого рода кунштюки при $1/6 g$ пройдут куда как успешней, что в целом правильно, но он не оставил нам времени на репетиции. Чтобы вернуться, я вынужден был прибегнуть к Акту о помощи попавшим в беду путешественникам и заодно лишился всего гардероба...

В рубке находились двое. Первый, лежа в одном из трех амортизационных кресел, возился с какими-то верньерами, второй что-то делал отверткой. Лежавший глянул на меня и ничего не сказал. Его товарищ обернулся и тревожно спросил через мое плечо:

– А Джок где?

Из люка, словно чертик из табакерки, выпрыгнул Дэк:

– Потом, потом! Вы массу его скомпенсировали?

– Ага.

– Рыжий, данные загружены? Диспетчерская?

Из кресла лениво отозвались:

– Каждые две минуты пересчитываю. Диспетчерская дала добро. Вовремя ты. У тебя сорок... э... семь секунд.

– Место мне, живо! Я уложусь в это время.

Рыжий так же лениво вылез из амортизационного кресла. Дэк тут же рухнул в него. Другой космолетчик сунул меня на место штурмана и, пристегнув ремнями, направился к выходу. Рыжий последовал было за ним, но задержался:

– Да, чуть не забыл. С вас билетки, – сказал он добродушно.

– А, ч-черт!

Рывком ослабив ремень, Дэк полез в карман, достал пропуска, с которыми мы прошли на борт, и отдал ему.

– Спасибо, – ответил Рыжий, – до скорого! Давай – и чтоб сопла не остыли!

И с той же изящной ленцой он удалился. Слышно было, как хлопнула дверь шлюза, и у меня заложило уши. Дэк не попрощался – он был занят компьютером.

– Двадцать одна секунда, – буркнул он. – Обратного отсчета не будет. Расслабься и следи, чтобы руки были на подлокотниках. Старт – только цветочки.

Я почел за лучшее делать то, что говорят. Секунды тянулись, будто часы; напряжение становилось невыносимым. Я не выдержал:

– Дэк...

– Заткнись!

– Куда мы хоть летим?

– На Марс!

Я успел увидеть, как красная кнопка под его пальцем уходит в панель, – и отключился.

2

И чего, скажите на милость, смешного, когда человека тошнит? Эти чурбаны с железными потрохами всегда смеются – наверняка бы ржали, если бы их родная бабушка сломала обе ноги.

А меня, естественно, скрутило сразу же, как только Дэк отключил тягу и началась неведомость. Однако с космической болезнью я быстро справился, благо желудок был пустой, я с самого утра ничего не ел. Просто всю бесконечность этого кошмарного полета мне было плохо и мучительно. Он занял час сорок три минуты, что для меня, крота по природе, равносильно тысяче лет чистилища.

Впрочем, надо отдать Дэку должное: он надо мной не смеялся. Будучи профессионалом, он воспринял мои мучения с безразличной вежливостью стюардессы – а не как эти безмозглые горлопаны; вы наверняка встречали таких среди пассажиров лунных шаттлов. Будь моя воля, эти смешливые здоровяки живо бы оказались за бортом еще на орбите и уж там-то вдоволь повеселились бы над собственными конвульсиями в вакууме.

Несмотря на все смятение в мыслях и тысячу вопросов, крутившихся у меня в голове, я сумел расшевелить в себе любопытство лишь к тому времени, когда мы почти вышли в точку randevu с факельщиком на околоземной орбите. Думаю, если б жертве космической болезни сообщили, что ее расстреляют на рассвете, ответом было бы: «Да? Пере... дайте, пожалуйста, тот пакет!»

Но наконец я оправился настолько, что неодолимая воля к смерти сменилась хилым, еле дышащим, но все же желанием еще немного пожить. Дэк все это время возился с корабельным коммуникатором, явно направляя сигнал очень узким лучом: с контролем направления он нянчился, как стрелок – с винтовкой перед решающим выстрелом. Слышать его или читать по губам я не мог – слишком низко склонился он над передатчиком. Похоже, держал связь с «дальнерейсовиком», к которому мы приближались.

Но в конце концов он отодвинул коммуникатор и закурил. Я с трудом подавил тошноту, подступившую к горлу при одном виде табачного дыма, и спросил:

– Дэк, не пора ли тебе наконец развязать язык?

– Успеется. До Марса – далеко.

– Вот как? Черт бы тебя побрал с твоим гонором, – вяло возмутился я. – Я не хочу на Марс. Знал бы, что надо туда лететь, даже не стал бы рассматривать твое бредовое предложение.

– Как хочешь. Никто тебя силком не тащит.

– Э-э-э?

– Шлюз у тебя за спиной. Хочешь – топай. Уходя, закрой дверь.

Насмешку я оставил без ответа. Он продолжал:

– Но если ты не умеешь дышать в вакууме, то выход у тебя один – лететь на Марс. А я позабочусь, чтобы ты потом вернулся домой. «Одолей» – то есть вот эта посуда – идет на стыковку с «Рискуй». «Рискуй» – скоростной факельщик. И через семнадцать целых хрен десятых секунды после стыковки он пойдет на факельной тяге к Марсу – мы, кровь из носу, должны быть там в среду.

С раздражением и упрямством, на какие только способен тот, кого укачало, я ответил:

– Я не полечу на Марс. Здесь останусь. Ведь должен кто-нибудь отвести корабль на Землю, я-то знаю!

– Корабль – да, – согласился Дэк, – но не тебя. Потому что те трое, что были на борту согласно записям в порту Джефферсон, сейчас на борту «Рискуй». «Одолей» же, как видишь, трехместный. Боюсь, место для четвертого здесь вряд ли отыщется. Да и как ты пройдешь через паспортный контроль?

– Плевать! Хочу на Землю.

– Ага. И в кутузку за все грехи разом – от «попытки нелегального въезда» до «разбоя на космических трассах»? Тебя примут, по меньшей мере, за контрабандиста, препроводят в тихий кабинетик, там введут иглу за глазное яблоко и выкачают из тебя все. Уж они-то умеют спрашивать, а промолчать тебе не удастся. Однако на меня все свалить тоже не выйдет – доб-

рый старый Дэк Бродбент уже целую вечность не возвращался на Землю; это подтвердит куча самых достойных свидетелей.

Вот теперь мне действительно поплохело! К невыносимой тошноте добавился страх.

– Ты, значит, отдашь меня легавым? Ах ты, грязный, скользкий...

Я запнулся, не в силах с ходу подобрать слово.

– О нет! Послушай, старина, я могу немного выкрутить тебе руку и припугнуть, что сдам полиции, но я никогда такого не сделаю. Однако парный брат Рррингрийла – Ррринглатх – наверняка в курсе, что старина Грийл в номер вошел, а обратно не вышел. Он и наведет. Парный брат – это такая кровная близость, какой землянину не понять, мы ведь не размножаемся делением.

И знать не желаю, как эти твари размножаются: вроде кроликов, или там аист их приносит в маленьком черном узелке. Если верить Бродбенту, вернуться на Землю мне не светит вовсе. Об этом я и сказал. Он покачал головой:

– Вздор. Положись на меня – вернем в целостности-сохранности, как и вывели. Закончим дело – приземлишься в тот же космопорт или какой-нибудь другой, в пропуске будет сказано, что ты – механик, что-то чинил перед самым вылетом; на тебе будет засаленный комбинезон, в руке ящик с инструментами... Ты же актер экстра-класса – неужто механика не сыграешь?

– А... Конечно, но...

– И порядок! Держись старого мудрого Дэка – с ним не пропадешь. Мы задействовали восемь ребят из гильдии, чтоб слетать на Землю и назад с тобой вернуться. И это можно будет повторить. Но без нашего брата тебе не выбраться. – Он усмехнулся. – Все «дальнобойщики» – вольные торговцы в душе. Искусство контрабанды, вот что это такое! И каждый из нас всегда поможет другому в маленьком невинном обмане таможенной службы. Но с посторонними наша гильдия не сотрудничает.

Я все пытался призвать к порядку желудок и обмозговать ситуацию как следует.

– Дэк, это связано с контрабандой? Потому что...

– Да нет! Вот разве тебя мы вывозим беспошлинно.

– Я собирался сказать, что не считаю контрабанду преступлением.

– А кто ж спорит? Только те, кто делает деньги на зажиме торговли. А от тебя требуется чисто актерская работа, Лоренцо. И ты – как раз тот человек, который нам нужен. Я же не случайно столкнулся с тобой в баре – тебя целых два дня выслеживали. И я, стоило мне сойти на Землю, тут же отправился к тебе. – Дэк нахмурился. – И хотел бы я быть уверенным, что наши достойные противники шли по моему следу, а не по твоему.

– Почему?

– Если они шли за мной, значит они просто пытались выяснить, что я замышляю. Тогда все о'кей, то, что мы враги, не новость. А вот если выслеживали тебя, выходит, они знают, что мне нужен именно актер, способный сыграть эту роль.

– Но откуда им было знать? Если ты сам им не рассказал?

– Лоренцо, дело слишком серьезное. Гораздо серьезней, чем ты думаешь. Я сам всех подробностей не представляю, и чем меньше ты будешь знать, пока не дойдет до дела, тем тебе же спокойней. Одно скажу: подробные характеристики некоего лица были загружены в большой компьютер Бюро переписи населения в Гааге, и машина сравнила их с характеристиками всех профессиональных актеров, сколько их ни на есть. Делалось это в секрете, но кто-нибудь мог все же догадаться и разболтать. Дело в том, что актер должен во всем походить на оригинал, так как воплощение требуется *идеальное*.

– Ого! И машина именно меня назвала?

– Да. И еще одного.

Вот и сейчас мне следовало бы придержать язык, но я не сумел бы промолчать, даже если бы от этого зависела моя жизнь, а в какой-то мере так оно и было. Я должен был знать, кто еще считается годным на роль, требующую моих исключительных талантов.

– Еще одного? Кого это?

Дэк смерил меня взглядом. Он заметно колебался.

– Мм... некий Орсон Трубридж. Слышал о нем?

– *Эта бездарность?!*

От ярости даже тошнота на минуту прошла.

– Да? А мне говорили, что он прекрасный актер...

Я был просто вне себя от мысли, что этого фигляра Трубриджа рассматривали как претендента на роль, которую собирались предложить мне.

– Это ничтожество, которое только и умеет, что размахивать руками и голосить!

Я остановился: гораздо приличнее просто не обращать внимания на подобных «коллег». Но этот щеголь еще и страдал острейшей формой нарциссизма: если по ходу пьесы требовалось поцеловать даме руку, Трубридж обязательно обманывал публику и целовал собственный большой палец. Эгоист, позер, фальшивый насквозь человечешко – разве такому вжиться в роль?

Вдобавок по какой-то необъяснимой прихоти фортуны его козлиная декламация и обезьяньи кривлянья прилично оплачивались – а настоящие мастера голодают...

– Дэк! Да как ты мог подумать, что он подойдет?

– Мм... Не то чтоб он подходил – он сейчас связан долгосрочным контрактом. Сразу хватятся, пропади он хоть на неделю. Хорошо, ты оказался э... «на воле». Как только ты согласился, я велел Джоку отозвать ребят, занимавшихся Трубриджем.

– И правильно!

– Но знаешь, Лоренцо, должен сказать: пока ты блевал в невесомости, я связался с «Рискуй» и дал команду снова заняться Трубриджем.

– *Что?*

– Ты сам напросился. У нас как – если уж «дальнобойщик» подрядился забросить груз на Ганимед, так он доставит его на Ганимед. Сдохнет, а доставит, не пойдет на попятную, когда корабль уже загружен! Ты сказал, что берешься – без всяких там «но» и «если». Через несколько минут начинается потасовка, и ты дрейфишь. Потом хотел сбежать от меня в порту. И вот только что истерику закатил – хочу на Зе-емлю! Может, ты и лучше актер, чем Трубридж, – не знаю. Но нам нужен парень, который не сдрейфит в ответственный момент. И насколько я понимаю, Трубридж как раз из таких. Если с ним договоримся – заплатим тебе и отправим назад. Ясно?

Более чем. Дэк явно имел в виду, что я не тот партнер, на которого можно положиться, и был по-своему прав. И обижаться оставалось лишь на самого себя. Конечно, только полный кретин соглашается, сам не зная на что, но я ведь согласился! Безоговорочно. А теперь вдруг решил отвалить в сторонку, будто новичок, испугавшийся публики.

«Представление должно продолжаться» – вот древнейшая заповедь шоу-бизнеса. Может, философы ее и опровергнут, однако жизнь наша редко подчиняется логике. Мой отец соблюдал эту заповедь свято. Я сам видел, как он доигрывал два акта с острым приступом аппендицита, да еще выходил на поклон, прежде чем его отвезли в больницу на «скорой». Сейчас я словно видел лицо отца – лицо истинного актера, с презрением взирающего на горе-актеришку, готового подвести зрителей...

– Дэк, – неуклюже промямлил я, – извини, бога ради. Я был не прав.

Он пристально оглядел меня:

– Так ты будешь играть?

– Да.

Я отвечал совершенно искренне, но вдруг вспомнил про одно обстоятельство, из-за которого я не мог сыграть эту роль, как не мог бы сыграть Белоснежку в «Семи гномах».

– Все – о'кей, я *хочу* играть. Но...

– Что «но»? – презрительно спросил Дэк. – Опять кочевряжишься?

– Нет, нет! Но – ты говорил, летим на Марс. Дэк, я должен буду играть среди марсиан?

– Ну конечно, это же Марс!

– А... Но, Дэк, я же *не переношу* марсиан! Они меня всегда из колеи вышибают! Я постараюсь справиться, но... я могу выйти из образа.

– Э, если дело только в этом – плюнь и забудь!

– Как «забудь»? Я не могу просто выкинуть это из головы. Я ничего не могу с этим поделать. Я...

– Говорят тебе – плюнь! Мы знали, что ты в таких вещах сущий олух. Лоренцо, твоя боязнь марсиан – все равно что детские страхи перед пауками и змеями. Но мы все учли. Так что забудь.

– Ну... ладно.

Не то чтобы я успокоился, но он задел меня за живое. Для меня олухами всегда была публика. В общем, я заткнулся. Дэк опять пододвинул к себе микрофон и, больше не пытаясь приглушить голос, сказал:

– Одуванчик – Перекати-полю. План «Клякса» отменяется. Продолжаем по плану «Марди Гра».

– Дэк?.. – начал я, когда он отложил микрофон.

– После, – отмахнулся он. – Идем на стыковку. Может, тряхнет малость – нет времени рассусоливать. Сиди тихо и не суйся под руку.

И нас так *тряхнуло*. Когда мы оказались на факельщике, я даже обрадовался возобновлению невесомости – постоянная, но легкая тошнота куда лучше редких, но бурных приступов. Однако лафа продолжалась минут этак пять. Когда мы с Дэком всплывали в шлюз, трое космолетчиков с «Одолей» уже стояли наготове. Тут я на минуту замешкался – чего возьмешь с такого безнадёжного крота, вроде меня, который пол-то от потолка в невесомости отличить не может. Кто-то спросил:

– А где этот?

– Да вот! – отвечал Дэк.

– Этот самый? – Вопросавший будто глазам не верил.

– Он, он, – подтвердил Дэк, – только в гриме; не суетись зря. Лучше помоги устроить его в «соковыжималку».

Меня схватили за руку, протащили узким коридором и впахнули в одну из кают. У переборки против входа стояли две «соковыжималки» – гидравлические устройства, вроде ванн, распределяющие давление равномерно. На факельщиках ими пользуются при больших ускорениях. Живьем таких ни разу не видал, но в одном фантастическом опусе – «Нашествие на Землю», кажется, – у нас были такие бутафорские.

На переборке была надпись: «Внимание! Находиться вне противоперегрузочных устройств при ускорении свыше 3 g запрещено! По приказу...» Я продолжал вращаться по инерции, надпись скрылась из виду прежде, чем ее удалось дочитать. Меня уложили в «соковыжималку». Дэк и его напарник торопливо пристегивали ремни, когда прямо над ухом жутко завывла сирена и из динамиков раздалось:

– Последнее предупреждение! Два g! Три минуты! Последнее предупреждение! Два g! Три минуты!

Снова завывла сирена. Сквозь вой слышен был голос Дэка:

– Проектор и записи – готовы?

– Здесь, здесь!

– А лекарство?

Дэк, паря надо мной, сказал:

– Дружище, мы тебе инъекцию вкатим. Ничего такого. Малость нульграва, остальное – стимулятор; это чтобы не спал и зубрил роль. Поначалу возможен легкий зуд – в глазных яблоках и по всему телу. Это не страшно.

– Дэк, подожди! Я...

– Некогда, некогда! Нужно еще раскочегарить как следует эту грудку металлолома.

Он развернулся и выплыл из каюты, прежде чем я успел что-либо сказать. Напарник его, закатав мой левый рукав, приложил инъектор к коже и вкатил мне дозу раньше, чем я это почувствовал. Затем и он удалился. Вой сирены сменился голосом:

– Последнее предупреждение! Два g! Две минуты!

Я попытался осмотреться, но лекарство буквально оглушило. Глаза заломило, зубы – тоже; нестерпимо зачесалась спина, но дотянуться до нее мешали ремни безопасности. Похоже, они и спасли меня от перелома руки при старте. Вой сирены смолк, из динамиков послышался бодрый баритон Дэка:

– Самое распоследнее предупреждение! Два g! Одна минута! Оторвитесь там от картишек – пришла пора ваши жирные задницы побережь! Сейчас дадим копотти!

На сей раз вой сирены сменила «Ad Astra»³ Аркезяна, опус 61 До мажор. Это была довольно спорная версия Лондонского симфонического – с «пугающими» 14-герцовыми нотами за грохотом литавр.

Но на меня, оглушенного и раздавленного, музыка никак не подействовала – нельзя намотить реку.

В кабину вплыла... русалка. Так мне сперва показалось – именно русалка, правда без рыбьего хвоста. Сфокусировав наконец взгляд, я увидел очень привлекательную человеческую и даже вполне женственную девушку в майке и шортах. Она уверенно вплыла головой вперед, и сразу стало понятно, что невесомость для нее – дело привычное. Глянув на меня без улыбки, она заняла соседнюю «соковыжималку», положила руки на подлокотники, но ремни застегивать не стала. Отзвучал финальный аккорд, и тут я почувствовал нарастающую тяжесть.

Вообще-то, два g – ускорение не из смертельных, особенно в компенсаторе. Пленка, прикрывавшая меня сверху, обтянула тело, удерживая его в неподвижности; чувствовалась просто некоторая тяжесть, да дышать было трудновато. Вам наверняка доводилось слышать о космолетчиках, покалеченных десятикратными перегрузками. Не сомневаюсь, что это правда, но два g в «соковыжималке» просто ощущаются как ленивая расслабленность, невозможность шевельнуть рукой или ногой...

С некоторым опозданием я понял, что голос из громкоговорителя в потолке обращается лично ко мне:

– Лоренцо, дружище, как ты там?

– Нормально. – Потраченное на ответ усилие меня доконало. – Надолго это?

– Дня на два.

Видимо, я застонал, потому что Дэк расхохотался:

– Не хнычь, салага! Мой первый полет на Марс занял тридцать семь недель, и все это время мы болтались в невесомости на эллиптической орбите! А ты, считай, покатайся поехал – два g пару деньков, а во время разворота – норма! С тебя за это еще причитается!

Я хотел было сказать все, что думаю о нем и о его шутках, но вспомнил, что не у себя в примерной, к тому же здесь была дама. Отец всегда говорил: женщина вскоре забудет любое оскорбление действием, но может до самой смерти вспоминать неосторожное выражение. Прекрасный пол весьма чувствителен к символам, что довольно странно, учитывая его крайнюю

³ «К звездам» (лат.).

практичность. Во всяком случае, я ни разу не позволил себе непечатное слово в присутствии дам с тех самых пор, как схлопотал от отца по губам. В выработке условных рефлексов он дал бы фору самому профессору Павлову.

Тут Дэк заговорил снова:

– Пенни, красавица моя, ты здесь?

– Да, капитан, – ответила девушка из соседнего компенсатора.

– О'кей, пусть приступает к домашнему заданию. А я разберусь с делами и тоже приду.

– Хорошо, капитан.

Она повернулась ко мне и сказала мягким, чуть хрипловатым контральто:

– Доктор Чапек хотел, чтобы вы несколько часов отдохнули и посмотрели фильмы. Если возникнут вопросы – я здесь для того, чтобы на них отвечать.

– Слава богу, – вздохнул я, – наконец хоть кто-то готов отвечать на мои вопросы.

Она промолчала и, с некоторым усилием подняв руку, повернула выключатель. Свет в каюте угас, и перед моими глазами возникло стереоизображение. Я сразу узнал главного героя – как узнал бы его любой из миллиардов жителей Империи – и только тут понял, как жестоко и ловко Дэк Бродбент меня обхитрил.

Это был Бонфорт.

Тот самый, Достопочтенный Джон Джозеф Бонфорт, бывший премьер-министр, лидер официальной оппозиции, глава Экспансионистской коалиции, – самый любимый – и ненавидимый! – человек в Солнечной системе.

Мой потрясенный разум заметался в поисках разгадки и нашел единственный логичный ответ. Бонфорт пережил по меньшей мере три покушения. Во всяком случае, так утверждали газетчики. Два раза из трех спасался он лишь чудом. А если чуда не было? А если все три попытки увенчались успехом, вот только старый добрый дядюшка Джо Бонфорт каждый раз оказывался совсем в другом месте?

Много же актеров им потребуется!

3

Я не встречал в политику. Отец всегда предупреждал меня на этот счет.

– Ларри, – говорил он, – не суйся в эти дела. Политика – это плохая реклама. Публике такое не нравится.

Вот я и не совался. Даже голосовать не ходил ни разу – даже после поправки в 98-м, позволившей голосовать людям «кочевым», в том числе, конечно, мне и моим коллегам.

Но если кого из политиков и уважал, то никак не Бонфорта! Всегда считал, что это человек опасный, а может, и предатель человечества. Перспектива встать вместо него под пулю была мне – как бы это сказать? – неприятна.

Зато – какова роль!

Я играл однажды главную роль в «Орленке» и еще Цезаря в тех двух пьесах о нем, что только и достойны его имени. Но сыграть подобное *в жизни*... что ж, начинаешь понимать, как можно пойти за другого на гильотину: просто ради шанса сыграть, пусть лишь несколько минут, неимоверно сложную роль, создать высшее, совершенное произведение искусства.

А кто из собратьев не устоял перед искушением в трех предыдущих случаях? Да, то были мастера, и лучшая похвала им – безвестность... Я попытался припомнить, когда состоялись покушения и кто из коллег, способных сыграть его роль, умер в то время или просто исчез. Но ничего не вышло. Не только из-за невнимания к политическим интригам – актеры вообще часто пропадают из виду, это у нас профессиональное. Что ж, даже лучшие из людей не застрахованы от случайностей.

Внезапно я поймал себя на том, что внимательно изучаю оригинал.

Я понял, что сыграю его. А, дьявол, да я сыграл бы его с ведром на ноге и горящими подмостками за спиной! Начать с телосложения: мы могли спокойно обменяться одеждой – она сидела бы идеально! Эти горе-конспираторы, затащившие меня сюда, слишком уж большое значение придавали внешнему сходству – оно, без поддержки мастерства, ничего не значит, а потому для мастера совсем не обязательно. Нет, с ним, конечно, проще, и им очень повезло, что в дурацкой игре с компьютером они выбрали – совершенно случайно! – настоящего мастера, да еще и близнеца своему политикану. И профиль почти как мой, и даже руки! Кисти такие же длинные, узкие, как у аристократа, – а ведь руки подделать куда сложнее!

Что касается хромоты – якобы из-за неудачного покушения, – это и вовсе не составляло труда. Понаблюдав за ним несколько минут, я уже знал, что могу встать из компенсатора (при нормальной гравитации, конечно) и пройти точно так же, даже не думая об этом. Как он поглаживает вначале ключицу, а затем подбородок, собираясь изречь нечто глобальное, – уже сущие пустяки. Подобные мелочи я впитывал, словно песок – воду.

Правда, он лет на пятнадцать-двадцать постарше, но играть старшего гораздо легче, чем наоборот. Вообще, возраст для актера – вопрос внутреннего отношения и с естественным процессом старения ничего общего не имеет.

Через двадцать минут я мог бы сыграть его на сцене или сказать за него речь. Но этого, похоже, недостаточно. Дэк говорил, я должен ввести в заблуждение тех, кто очень хорошо знает Бонфорта, возможно в неформальной обстановке. Это будет посложней. Кладет ли он сахар в кофе? Если да – сколько ложечек? Которой рукой – и как – прикуривает? Стоило мне задать последний вопрос, как стереоизображение Бонфорта закурило, и я сразу угадал застарелую привычку к дешевым папиросам и спичкам, от которых он лишь недавно отказался ради так называемого прогресса.

Хуже всего, что человек – вовсе не какой-нибудь набор постоянных качеств. Черты его характера все, знающие этого человека, воспринимают *по-разному*. И чтобы добиться успеха, мне нужно играть роль для всякого знакомого Бонфорта – персонально, смотря, кто передо мной. Это не то что трудно – невозможно! Какие отношения были между оригиналом и, скажем, Джоном Джонсом? А сотней, тысячей Джонов Джонсов?! Откуда мне знать?

Сценическое действо само по себе – как всякое творчество – процесс абстрагирования. Надо сохранять лишь существенные детали. Но при перевоплощении важна *каждая* деталь. Иначе скоро любая глупость – скажем, вы жуete сельдерей, не хрумкая, – выдаст вас с головой.

Тут я с мрачной уверенностью вспомнил, что должен быть достоверен, лишь пока снайпер не прицелится. И все же продолжал изучать человека, которого мне предстояло заменить, – а что оставалось?

Отворилась дверь, и Дэк, собственной персоной, заорал:

– Эй, есть кто живой?!

Зажегся свет, трехмерное изображение поблекло. Меня словно встряхнули как следует, не дав досмотреть сон. Я обернулся. Девушка по имени Пенни в соседнем компенсаторе безуспешно пыталась приподнять голову, а Дэк с бодрым видом стоял на пороге. Выпучив на него глаза, я изумленно спросил:

– Ты еще ходить ухитряешься?!

А тем временем профессиональный отдел моего сознания – он у меня полностью автономен – подмечал все и складывал в особый ящичек: «Как стоят при двух g». Дэк усмехнулся:

– Да ерунда, я же в корсете.

– Хм!

– Хочешь – тоже вставай. Обычно мы пассажиров не выпускаем, пока идем больше чем при полутора. Обязательно найдется идиот – поскользнется на ровном месте и ногу сломает. Но раз я такого качка видел – при пяти g вылез из компенсатора да еще ходил, правда пупок надорвал. А двойное – ничего, все равно что на плечах кого-нибудь нести.

Он обратился к девушке:

– Объясняешь ему, Пенни?

– Он еще ни о чем не спрашивал.

– Да ну? А мне показалось, Лоренцо – юноша любознательный.

Я пожал плечами:

– Думаю, теперь это не важно. Судя по обстоятельствам, я не проживу срок, достаточный для наслаждения знанием.

– А?! Старина, о чем это ты?

– Капитан Бродбент, – язвительно начал я, – в выражении моих чувств я связан присутствием дамы. Таким образом, я лишен возможности пролить свет на твоё происхождение, привычки, нравственный облик и то, куда тебе следует отправиться. Будем считать, я знаю, во что меня втравили. Я раскусил вас, едва увидев, кого предстоит играть. Теперь мне любопытно одно: кто собирается покушаться на Бонфорта на сей раз? Даже глиняный голубь вправе знать, кто пустит в него пулю.

В первый раз я видел Дэка удивленным. Потом он вдруг захохотал так, что, не в силах бороться с перегрузкой, сполз по переборке на пол.

– И не вижу ничего смешного, – зло сказал я.

Дэк оборвал смех и стер проступившие слезы:

– Лорри, неужели ты вправду думаешь, что я нанял тебя в подсадные утки?

– Это очевидно.

И я поделился с ним дедуктивными выводами насчет прошлых попыток устранить Бонфорта. Дэку хватило такта не рассмеяться вновь.

– Ясно. Ты, значит, решил, что будешь вроде того несчастного, который пробовал еду за столом у средневекового короля. Что ж, попытаюсь разубедить, а то вряд ли ты будешь хорошо играть, чувствуя себя мишенью. Послушай, я с шефом уже шесть лет. За это время он *ни разу* не пользовался дублерами. Два покушения произошли у меня на глазах, и в одном случае я сам пристрелил киллера. Пенни, ты с шефом дольше – при тебе он приглашал хоть раз дублера?

Девушка смерила меня ледяным взглядом:

– Никогда! И сама мысль о том, что шеф мог бы подвергнуть опасности другого, спрятавшись за его спиной... Я просто обязана дать вам по физиономии – вот что я должна сделать!

– Успокойся, Пенни, – мягко сказал Дэк. – Вам обоим, и кроме этого, есть чем заняться на пару. И Лорри не так уж глупо рассудил – для постороннего, конечно. Кстати, Лоренцо, это – Пенелопа Рассел, личный секретарь шефа и твой главный тренер.

– Рад познакомиться, мадемуазель.

– Сожалею, но ответить тем же не могу!

– Прекрати, Пенни, иначе отшлепаю по попке – и два *g* меня не остановят! Лоренцо, я понимаю, играть Бонфорта малость рискованней, чем править инвалидной коляской. Мы оба знаем, что находились уже желающие прикрыть его страховой полис. Но сейчас мы боимся не этого. В сложившейся ситуации, по причинам, которые ты скоро поймешь, парни, играющие против нас, даже пальцем не посмеют тронуть шефа – либо тебя в его роли. Ты уже видел – они играют грубо. Они при первом удобном случае прикончат меня или даже Пенни. В данный момент они и тебя убили бы, кабы дотянулись. Но как только ты выйдешь на публику *в роли шефа*, опасность будет позади. В силу обстоятельств они просто не смогут пойти на убийство.

Он пристально взгляделся в мое лицо:

– Ну как?

Я замотал головой:

– Не улавливаю смысла.

– Скоро уловишь. Тут дело тонкое – оно касается марсианского образа жизни. Обещаю: еще до посадки ты все поймешь.

Однако дело мне по-прежнему не нравилось. Пока что Дэк меня напрямую не обманывал – насколько я могу судить, но ему прекрасно удавалось меня обдурить, скрывая часть правды.

– Слушай, Дэк, а почему я должен верить тебе или этой леди? Извините, мисс. Я хоть и не питаю особых симпатий к мистеру Бонфорту, но у публики он пользуется славой человека болезненно – до отвращения даже – честного. С *ним* я когда смогу побеседовать? Только по прибытии на Марс?

На бодром, некрасивом лице Дэка вдруг проступило уныние.

– Похоже что нет. Пенни тебе не говорила?

– Что не говорила?

– Старина, мы просто вынуждены подменять шефа. Его похитили.

У меня вдруг ужасно разболелась голова. От двойной тяжести, а может, от обилия впечатлений.

– Вот теперь, – продолжал Дэк, – ты знаешь, отчего Джок Дюбуа не хотел тебе ничего говорить, пока мы на Земле. Это – самая крупная сенсация для репортеров со времен первой высадки на Луну. Поэтому нам приходится крутиться как проклятым, лишь бы никто ничего не разнюхал. Так что пока не разыщем шефа и не вернем его обратно, вся надежда на тебя. И кстати, ты уже играешь свою роль. Этот кораблик на самом деле – вовсе не «Рискуй». Он – личная яхта и походная канцелярия шефа; имя ему – «Том Пейн». «Рискуй» крутится на опорной орбите вокруг Марса и передает наши позывные – и знают об этом только его капитан и связист. А «Томми» тем временем на всех парусах мчится к Земле за подходящей заменой для шефа. Улавливаешь, старина?

– Не совсем... Однако, капитан, если мистера Бонфорта похитили политические противники – зачем делать из этого тайну? Я бы на вашем месте кричал об этом на каждом углу.

– На Земле мы бы так и поступили. И в Новой Батавии. И на Венере. Но не на Марсе! Знаешь легенду о Кккахграле Младшем?

– Э-э-э... Боюсь, что нет.

– Тогда слушай внимательно. Она – наглядная иллюстрация марсианской щепетильности. Короче говоря, этот Ккках – а жил он тысячи лет назад – должен был прийти в определенное время к определенному месту, чтобы удостоиться высокой чести – вроде посвящения в рыцари. Не по своей – на наш взгляд – вине, но он опоздал. В силу марсианских приличий за опоздание ему полагалась казнь. Учтя его молодость и выдающиеся подвиги, некоторые радикалы предложили повторить испытание. Кккахграл и не подумал согласиться! Настоял на своем праве лично выступать обвинителем на суде чести, выиграл дело и был казнен. Что сделало его живым воплощением и святым покровителем марсианских приличий. Так-то.

– Но... Бред ведь!

– Ой ли? Мы же – не марсиане. А они – очень древняя раса; у них сложена целая система требований и обязанностей для любого случая жизни. Марсиане – величайшие из всех мыслимых формалистов. Древние японцы со своими «гиму» и «гири» в сравнении с марсианами – отъявленные анархисты. У марсиан нет понятий «хорошо» и «плохо», есть лишь «пристойно» и «непристойно» – в квадрате, в кубе и со всякими довесками. Тут в чем дело – шефа усыновляет Гнездо того самого Кккахграла Младшего. Теперь понимаешь?

Но я по-прежнему не понимал. На мой взгляд, этому Кккаку было самое место в «Гран-Гиньоле».

Бродбент между тем продолжал:

– Очень просто. Шеф, наверное, крупнейший знаток марсианских обычаев и психологии. Он уже много лет ими занимается. А в среду в *Lacus Soli*, ровно в полдень по местному времени, состоится обряд его усыновления. Если шеф будет на месте и сдаст экзамен – все отлично. Если не будет – и не важно, по какой причине, – то оскорбит все Гнезда Марса, от полюса

до полюса. Величайший межпланетный и межрасовый политический успех в истории обернется чудовищным провалом. И последствия будут... Как минимум, марсиане откажутся даже от нынешнего ограниченного сотрудничества с Империей. А более вероятно месть. Погибнут люди – может быть, все люди на Марсе. Тогда экстремисты из Партии Человечества возьмут верх и Марс присоединят к Империи силой – но только после смерти последнего марсианина. И все это оттого, что Бонфорт не явился на обряд усыновления. Марсиане к подобному относятся очень серьезно.

Дэк вышел так же стремительно, как и появился. Пенелопа Рассел снова включила проектор. Меня раздражало, что я не успел вовремя спросить, почему бы противникам Бонфорта просто-напросто не прикончить меня, раз уж им так легко опрокинуть политическую тележку с яблоками, помешав Бонфорту – самому либо его дублеру – принять участие в варварском марсианском обряде. Что поделаешь, забыл спросить – может, из-за подсознательной боязни ответа.

Я продолжил изучение Бонфорта: отслеживал манеры и жесты, вникал в настроения, которые им сопутствовали, воспроизводил про себя голос и интонации, все глубже погружаясь в детали. Вдохновение полностью завладело мной – я уже «влез в его шкуру».

Однако, увидев Бонфорта в окружении марсиан, я пришел в ужас. Они касались его своими ложнолапами! Я настолько сжился с изображением, что буквально ощутил их прикосновения – и еще этот невыносимый запах! Я сдавленно вскрикнул и замахал руками:

– Выключите!

Изображение пропало; зажегся свет. Мисс Рассел удивленно смотрела на меня:

– Что с вами?

Я перевел дух и постарался унять дрожь:

– Мисс Рассел, вы меня извините... Но, бога ради, не показывайте больше такого. Я *не переносю* марсиан.

Она смотрела на меня, словно не верила глазам и ушам, и тем не менее презрительно.

– Говорила же им, что эта идиотская затея не сработает, – проговорила она со злой усмешкой.

– Мне очень жаль... Но я ничего с собой поделать не могу.

Она не ответила и с трудом выбралась из «соковыжималки». При двойной перегрузке мисс Рассел держалась не так уверенно, как Дэк, но справлялась. Так ни слова и не сказав, она ушла и закрыла за собой дверь.

Назад она не вернулась. Вскоре дверь отворилась, пропустив в кабину человека, находившегося внутри некоего сооружения, наподобие детского стульчика на колесах.

– Как мы себя чувствуем? – пробасил он.

Выглядел он лет на шестьдесят с лишком, был малость полноват, а в обращении несколько ироничен. В диплом его я не заглядывал, но держался он точь-в-точь как врач перед пациентом.

– Неплохо, а вы, сэр?

– Не жалуюсь. То есть ни на что, кроме ускорения, – добавил он, бросив взгляд на свою каталку, к которой был пристегнут ремнями. – Что вы скажете о моем колесном корсете? Возможно, несколько не по моде, но уменьшает нагрузку на сердце. Да, чисто для протокола: я – доктор Чапек, личный врач мистера Бонфорта. Ваше имя мне известно. Так что мы имеем относительно вас и марсиан?

Я постарался объяснить все кратко и без эмоций. Доктор Чапек кивнул:

– Капитану Бродбенту следовало меня предупредить. Придется изменить ваш вводный курс. Наш капитан – очень толковый молодой человек, но иногда прежде делает, а уж потом думает... Настолько образцовый экстраверт, что пугает меня порой. Но, по счастью, ничего страшного не произошло. Мистер Смайт, я, если позволите, проведу с вами сеанс гипноза.

Даю слово врача, что сделаю это лишь с целью избавить вас от упомянутого затруднения и ни в коей мере не потревожу вашей духовной целостности.

Он вынул из кармана старомодные часы на цепочке – такие давно уже сделались привычным атрибутом его профессии – и сосчитал мой пульс.

– Вы могли бы и не спрашивать позволения, сэр, – ответил я. – Только ничего не выйдет. На меня гипноз не действует.

Я изучал технику гипноза, когда занимался «чтением мыслей». Но моим наставникам так и не удалось загипнотизировать меня самого. А в таком номере немного гипноза вовсе не помешает, особенно если местная полиция не слишком рьяно следит за исполнением законов, которыми медицинская ассоциация связала нас по рукам и ногам.

– Хм, вот как?.. Тогда просто сделаем все, что можно. Расслабьтесь, лягте поудобнее, и побеседуем о том, что вас беспокоит.

Он продолжал играть с часами, раскачивая их на цепочке, хотя давно уже сосчитал мой пульс. Я хотел напомнить ему об этом – часы пускали зайчиков мне прямо в лицо, – но у него это было, наверное, что-то наподобие нервного тика, и сам он ничего не замечал. Во всяком случае, дело не стоило того, чтобы выговаривать постороннему пожилому человеку.

– Уже расслабился, – заверил я, – спрашивайте, док. Или – свободные ассоциации, если хотите.

– Вы просто представьте, что плывете, – мягко сказал он. – Двойная перегрузка, тяжело-вато все же, верно? Я в полетах обычно стараюсь побольше спать – во сне легче переносить такую тяжесть... Да и кровь при двух *g* отливает от мозга – спать хочется... Они там снова запускают двигатели. Нам всем нужно заснуть... Мы тяжелеем... И засыпаем...

Я хотел было посоветовать ему спрятать часы – вдруг выронит и разобьет, – но вместо этого заснул.

Проснувшись, я обнаружил в соседнем компенсаторе доктора Чапека.

– Как спалось, юноша? – приветствовал он меня. – До чего надоела мне эта проклятая каталка, вы представить себе не можете! Вот и решил прилечь тут – перераспределить нагрузку.

– А мы снова идем под двумя?

– Что? О да. Именно под двумя.

– Извините, я тут отключился... Долго спал?

– О нет, совсем немного! Как вы себя чувствуете?

– Отлично! Действительно, здорово отдохнул.

– Обычно так и бывает. При перегрузках, я хочу сказать. Ну как, будем смотреть картинки дальше?

– Если вы, док, рекомендуете...

– И прекрасно.

Он дотянулся до выключателя; свет погас. Я вдруг понял, что доктор собирается снова показывать мне марсиан, и приказал себе не паниковать. Еще я счел нужным все время помнить, что их здесь вовсе нет, а изображений пугаться смешно. В прошлый раз они просто застали меня врасплох.

Стерео действительно показывало марсиан и с Бонфортом, и без. И я обнаружил, что вполне могу смотреть на них отрешенным взглядом без всякого страха или отвращения. Внезапно до меня дошло, что мне *нравится* на них смотреть! Я ахнул от удивления, и доктор Чапек остановил запись:

– Беспокоит?

– Док! Вы меня загипнотизировали!

– Э-э-э... С вашего разрешения...

– Но я же не поддаюсь гипнозу!

– Очень жаль.

– А... а вы все же ухитрились. Не такой уж я тупица, чтобы не понять. Давайте еще разок эти кадры – никак не могу поверить...

Он вновь пустил стереозапись. Я смотрел и изумлялся. Марсиане, оказывается, совсем не отвратительны – если смотреть непредвзято! И не безобразны ничуть – на самом деле в них есть причудливое изящество китайских пагод. На людей, конечно, не похожи, но ведь самые привлекательные в мире создания – райские птицы – вообще не имеют ничего общего с людьми!

Теперь я понимал, что ложнолапы их могут быть весьма выразительными, а якобы неловкие движения очень напоминают неуклюжее дружелюбие щенка. Теперь я понимал, что всю жизнь видел марсиан в кривом зеркале отвращения и страха.

Конечно, соображал я, надо еще привыкнуть к их запаху... И тут почувствовал, что изображения... пахнут! Я ни с чем не спутал бы этот запах, но он меня несколько не раздражал! Даже нравился!

– Доктор, – поспешно спросил я, – в этом аппарате есть синтезатор запахов?

– Мм... Вряд ли. Ведь мы на яхте; каждый грамм лишнего веса...

– Но как же так? Я отчетливо чувствую запах!

– Ах да, – он несколько смутился, – видите ли, юноша, я проделал с вами одну вещь; надеюсь, она не причинит вам неудобств...

– Сэр?..

– Понимаете, копаясь в вашей черепушке, я выяснил, что основная причина вашей подсознательной неприязни к марсианам – запах их тела. У нас нет времени братья за это все-речь, и я задал вам самое тривиальное смещение. Попросил у Пенни – та девушка, что была с вами до меня, – на время ее духи и... Боюсь, что с этого момента, юноша, марсиане будут для вас пахнуть, словно веселые дома в Париже. Было бы время, я взял бы аромат попроще – скажем, спелую землянику или горячие оладьи с патокой. Но времени не было; пришлось симпровизировать.

Я принял. Да, очень похоже на аромат дорогих духов – и все же, черт побери, запах принадлежал марсианам.

– Что ж, пахнет приятно.

– И не могло быть иначе.

– Но вы же сюда целый флакон извели! Каюта пропахла насквозь.

– Как?... Отнюдь нет. Я лишь подержал у вашего носа пробку полчаса назад. А затем вернул духи Пенни, она их унесла.

Доктор потянул носом:

– Никакого запаха. На этикетке было написано: «Вожделение джунглей». На мой вкус, мускуса многовато. Я обвинил Пенни в том, что она задумала свести всю команду с ума, но она лишь посмеялась надо мной.

Он повернул выключатель; изображение пропало.

– На сегодня достаточно. Вам пора заняться кое-чем более полезным.

Стоило ему выключить проектор – и запах пропал. Ну точно как при выключении аромасинтезатора! Я вынужден был признать, что запах существует лишь в моем воображении, хотя, как актер, прекрасно понимал это умом.

Через несколько минут вернулась Пенни, благоухающая, словно марсианин.

Я просто влюбился в этот аромат.

4

Мое обучение в той же каюте (гостевой комнате мистера Бонфорта) продолжалось до самого торможения. Все это время я ни минуты не спал, не считая сна под гипнозом, да и не

чувствовал такой необходимости. Мне постоянно помогал док Чапек или Пенни. К счастью, имелась масса фотоснимков и записей с Бонфортом – этого добра, слава богу, у любого политика навалом. К тому же со мной были те, кто очень хорошо его знал. Словом, материала хватало, вопрос был в том, сколько я в состоянии – под гипнозом или без – усвоить.

Не помню, когда именно я избавился от неприязни к Бонфорту. Чапек уверял – и я склонен верить, – что ничего такого он мне под гипнозом не внушал. Больше я не возвращался к этой теме – в вопросах врачебной и гипнотерапевтической этики доктор был исключительно щепетилен. Наверное, я просто вжился в роль. Думаю, мне понравился бы и Джек-потрошитель, случись мне его играть. Судите сами – вживаясь в роль, полностью отождествляешь себя с персонажем. Вы становитесь им! А человек либо себе нравится, либо кончает жизнь самоубийством.

Говорят: «Понять – значит простить». А я начал понимать Бонфорта.

Во время поворота мы получили обещанный Дэком отдых при нормальной силе тяжести. В невесомости мы не провели ни минуты: вместо того чтобы выключить факельную тягу – чего космолетчики очень не любят, – команда проделала, по словам Дэка, «косой поворот на 180 градусов». Двигатели при этом работали, и все произошло довольно быстро, только с вестибулярным аппаратом происходило что-то странное.

Не помню, как этот эффект называется. Что-то похожее на Кориолана. Кориолиса?

Вообще я мало знаю о космических кораблях. Те, что могут стартовать прямо с планеты, космолетчики презрительно зовут «чайниками» – за густую струю пара или водорода из сопел. Их не считают атомными кораблями, хотя реактивную струю разогревает атомный котел. Факельщики же вроде «Тома Пейна» замечательны, как мне объяснили, тем, что работают на каком-то Е, равном эм-цэ-квадрат, а может, эм, равном е-цэ-квадрат... Знаете, наверное: то самое, которое Эйнштейн изобрел.

Дэк очень старался мне все втолковать. Не сомневаюсь, это очень занято для тех, кто таким интересуется, однако не понимаю, для чего джентльмену забивать голову подобной ерундой? По-моему, всякий раз как ученые берутся за свои логарифмические линейки, жить на свете становится гораздо сложнее. Плохо нам, что ли, было до того?

Нормальная гравитация продолжалась часа два. Меня провели в каюту Бонфорта, где я занялся лицом и костюмом. Теперь окружающие называли меня не иначе как «мистер Бонфорт», или «шеф», или (это – док Чапек) «Джозеф», желая облегчить мне перевоплощение.

И только Пенни... Она просто физически не могла звать меня «мистером Бонфортом». Она старалась изо всех сил, но ничего не выходило. Впрочем, и без очков было видно, Пенни – классическая тайно-и-безнадежно-влюбленная-в-своего-босса-секретарша. И меня она воспринимала с глубочайшей, нелогичной, но вполне естественной горечью, что сильно затрудняло работу нам обоим, тем более что я находил ее весьма привлекательной. Ни один человек не способен ни на что путное, если рядом женщина, которая его презирает. Однако я не мог ненавидеть Пенни в ответ, просто жалел ее, хоть и раздражался порядком.

Мы начали с того, что у актеров называется пробными прогонами в провинции. На «Томе Пейне» далеко не все знали, что я вовсе не Бонфорт. Не могу судить, кто знал, а кто нет, но выходить из роли и задавать вопросы мне позволялось только при Дэке, докторе или Пенни. Еще – почти наверняка – знал обо всем делопроизводитель Бонфорта, мистер Вашингтон, но он ни разу не подал виду. Это был пожилой худощавый мулат, и его лицо с плотно сжатыми губами здорово напоминало лик статуи католического святого. Было еще двое посвященных, но не на «Томе Пейне». Они оставались на борту «Рискуй» и обеспечивали тыл, взяв в свои руки пресс-релизы и текущие дела. Одного звали Билл Корпсмен, он занимался связями с прессой, другого – Роджер Клифтон. Не знаю, как описать словами деятельность последнего. Политический представитель? Вы, может, помните, в бытность Бонфорта премьер-министром

Клифтон занимал пост министра без портфеля? Однако это еще ни о чем не говорит. А положение было таково: Бонфорт занимался политикой, Клифтон – обеспечением его поддержки.

Эти пятеро должны были быть в курсе, возможно, знал кто-то еще – меня на этот счет не просветили. Остальной персонал и команда «Тома Пейна» наверняка заметили некоторую странность происходящего, но совсем не обязательно им было знать, что к чему. Многие видели, как я вхожу на корабль, но в облике Бенни Грея. А следующий раз я появился перед ними уже как Бонфорт.

Кто-то из посвященных сообразил запастись настоящим гримом, но я им почти не пользовался. Вблизи «штукатурку» очень легко заметить – даже силикоплоть по фактуре слишком уж отличается от кожи. Поэтому я лишь нанес тональный крем оттенка на два темнее моего естественного цвета, а изнутри «надел» лицо Бонфорта. Пришлось пожертвовать большей частью моих волос, после чего док Чапек затормозил их рост, но я не переживал, актер всегда может носить парик. Кроме того, я был уверен – этот ангажемент обеспечит меня на всю оставшуюся жизнь, если я захочу провести остаток дней в праздности.

С другой стороны, меня одолевало сомнение, таким ли уж длинным выйдет этот «остаток». Помните старую мудрую пословицу о парне, который чересчур много знал, и еще одну – насчет неразговорчивости покойника? Но, по чести сказать, я начал доверять этим людям. Сами по себе они рассказывали о Бонфорте больше, чем все пленки и фото, вместе взятые. Я начал понимать, что политический деятель – не просто некая человеческая фигура, это люди, сплотившиеся вокруг и поддерживающие его. Не будь Бонфорт достойным человеком, рядом с ним никогда не сложилось бы такой команды.

Наибольшей проблемой оказался марсианский язык. Как большинство актеров, я в свое время нахватал понемногу – марсианский, венерианский, наречия спутников Юпитера – хватит, чтоб выдать пару слов перед камерой или на сцене. Но эти «раскатистые» или «дрожащие» согласные... Наши голосовые связки далеко не так универсальны, как мембраны у марсиан. А транскрипция марсианских звуков привычным для нас алфавитом – «ккк», «жжж» или там «ррр» – имеет столько же общего с их настоящим звучанием, как «г» в слове «гну» – со щелчком на вдохе, который произносят в этом слове банту. А «жжж», в частности, ближе всего к приветственному улюлюканью в Бронксе.

Счастье еще, что Бонфорт не блистал способностью к языкам, а я все-таки профессиональный актер и довольно легко подражаю как пиле, которая наткнулась на гвоздь, так и потревоженной наседке. Марсианский же я должен был освоить лишь в той мере, в какой владел им Бонфорт. Он изучал язык, компенсируя недостаток способности трудолюбию: все, что заучивал, непременно писал на пленку и по записи исправлял ошибки.

Таким образом, я получил возможность работать над его ошибками с проектором и Пенни, которая меняла кассеты и отвечала на вопросы.

Земные языки делятся на четыре группы: флективные, как англо-американский, аморфные, вроде китайского, агглютинативные, например турецкий, и полисинтетические, скажем эскимосский. К последним теперь относят и инопланетные – такие странные и непривычные, что порой совершенно не поддаются человеческому восприятию. Чего стоит один неповторяющийся, или эмерджентный, венерианский... По сравнению с ним марсианский еще ничего – он хоть по форме похож на земные. Упрощенный марсианский, язык торговли, по типу относится к аморфным и содержит только простые конкретные понятия, вроде приветствия: «Я вижу тебя». Высокий марсианский полисинтетичен и включает в себя массу оттенков для выражения сложнейших отношений в их традиционной системе поощрений и взысканий, обязанностей и обязательств. Для Бонфорта он оказался почти непосильным; Пенни рассказывала, что марсианские точечные тексты Бонфорт читал довольно бегло, но на высоком марсианском мог изъясняться лишь сотней-другой фраз.

И пришлось же мне попотеть, братцы, чтобы овладеть этой парой сотен!

Впрочем, Пенни доставалось еще больше, чем мне. Они с Дэком оба немного говорили по-марсиански, однако репетиторство целиком легло на нее. Дэк все время был занят в рубке: со смертью Джока ему приходилось тянуть за двоих. Последние миллионы миль до Марса мы шли под одним *g*, и за все это время Дэк к нам ни разу не заглянул. Я же с помощью Пенни зубрил церемониал усыновления.

Я как раз завершил изучение своей предстоящей речи. Произнеся ее, я должен был стать полноправным членом Гнезда Кккаха. По духу она не сильно отличалась от той, какую правоверные иудейские юноши читают во время бар-мицвы, но была так же незыблема, как монолог Гамлета. Я прочел ее с характерными ошибками и мимикой Бонфорта, а закончив, спросил:

– Ну как?

– Очень хорошо, – серьезно ответила Пенни.

– Спасибо, Хохолок.

Выражение это я почерпнул из записей с уроками языка. Так Бонфорт называл Пенни, когда бывал в настроении. У меня вышло точно как у него.

– Не смей так меня называть!

Я с откровенным недоумением взглянул на нее, все еще выдерживая роль:

– Пенни, малышка, что с тобой?

– Не смей меня больше так называть! Ты – обманщик! Трепач! Актер!

Она вскочила и бросилась было бежать, но у двери остановилась. Не поворачиваясь ко мне, она закрыла лицо руками; плечи ее вздрагивали при каждом всхлипе.

Пришлось напрячься, чтобы снова вернуть свой облик: я подобрал живот, сменил выражение лица Бонфорта на мое собственное и моим же собственным голосом произнес:

– Мисс Рассел!

Она прекратила плач, обернулась и раскрыла от удивления рот. Уже в собственном облике я предложил:

– Вернитесь и сядьте.

Похоже, она хотела возразить, но передумала и медленно прошла к своему месту. При села, зажала руки между колен, на лице ее просто написано было: «Я с тобой больше не играю!» Точь-в-точь маленькая капризная девочка...

Выдержав паузу, я мягко заметил:

– Да, мисс Рассел, именно актер. Это что, повод меня оскорблять?

Она упрямо молчала.

– Именно как актер я здесь. И именно для актерской работы. И вы знаете, кому из нас это нужно. И знаете, что наняли меня обманом, – с открытыми глазами я бы за эту работу даже в самый черный день моей жизни не взялся. Я ненавижу ее куда сильнее, чем вы ненавидите меня в этом качестве, потому что, несмотря на вдохновенные заверения капитана Бродбента, вовсе не думаю, что смогу выкрутиться из этой истории, не попортив шкуры. А шкуру свою я люблю до неприличия – она у меня единственная. Послушайте, более, чем уверен, – я знаю, отчего вам тяжело со мной примириться. Но повод ли это осложнять мне работу?

Ответила она еле слышно.

– Что? – резко переспросил я.

– Это нечестно! Это... чудовищно!

Я вздохнул:

– Точно. И более того – абсолютно невозможно без искренней поддержки всех членов труппы. Так что зовите капитана Бродбента и скажите ему: с этим делом пора завязывать.

Пенни так и вскинулась:

– Нет, нет! Мы не можем все бросить!

– Отчего бы это? Гораздо лучше сразу выкинуть все из головы, чем продолжать и заведомо провалиться. Я в такой обстановке работать не могу, так зачем себя мучить?

– Но... но... Мы должны!.. Мы вынуждены!

– Что значит «вынуждены», мисс Рассел? Из-за политики? Вот уж чем никогда не интересовался. И не уверен, что вас она так уж занимает. Ну, так почему же мы должны?

– Потому что... Потому что он...

Слова ее прервал приглушенный всхлип. Подойдя, я опустил руку ей на плечо:

– Знаю. Потому что, если мы это дело бросим, все, что он создавал годами, пойдет, извиняюсь, псу под хвост. Потому что он не может сделать этого сам и его товарищи пытаются провернуть все за него. Потому что соратники ему верны. Потому что вы ему верны. И тем не менее вам больно оттого, что кто-то занимает место, принадлежащее ему по праву. А кроме того, вы с ума сходите от горя и неизвестности. Так?

– Да...

Я еле расслышал ответ. Взяв ее за подбородок, приподнял лицо:

– И я знаю, отчего вам так тяжело видеть меня на *его* месте. Вы *его* любите! Но ведь для *него* я делаю все, на что способен. К черту, женщина! Неужели обязательно надо усложнять мне дело в шесть раз, мешая меня с грязью?

Пенни была потрясена. Похоже, она собиралась залепить мне оплеуху, но вместо этого, запинаясь, проговорила:

– Простите... Простите меня, пожалуйста... Я... я больше не буду.

Отпустив ее подбородок, я бодро сказал:

– Ну что ж, продолжим.

Она не пошевелилась:

– Вы... простите меня?..

– А? Да вздор все это, Пенни. Просто вы любите его и очень беспокоитесь. Ну, за работу! Я должен знать роль назубок, а времени у нас чуть больше часа.

И я снова принял облик Бонфорта. Пенни выбрала кассету и пустила проектор. Просмотрев запись еще раз, я заглушил звук и прочел речь, проверяя, совпадают ли мои – то есть его – слова с движениями губ на экране. Пенни изумленно наблюдала за мной, переводя взгляд с меня на изображение и обратно. Речь кончилась: я выключил проектор.

– Ну как?

– Замечательно!

Я улыбнулся – точь-в-точь как он:

– Спасибо, Хохолок.

– Не за что, мистер Бонфорт.

Спустя два часа мы вышли в точку randevu.

Едва корабли состыковались, Дэк провел в мой кабинет Роджера Клифтона и Билла Корпсмена. На фото я их уже видел. Поднялся навстречу:

– Привет, Родж. Рад видеть вас, Билл.

Звучало достаточно сердечно, однако вполне обыденно: в тех кругах, в которых вращаются эти люди, короткое путешествие на Землю и обратно – событие вполне заурядное. Прогромав им навстречу, я подал руку. Корабль шел на небольшой тяге, уходя с орбиты «Рискуй» на значительно более низкую. Клифтон быстро оглядел меня и подыграл – вынул изо рта сигару, пожал мне руку и ответил:

– С возвращением, шеф. Рад вас видеть.

Он оказался невысоким, лысоватым, средних лет человеком. По виду, собаку съевшим на различных юридических штучках и здорово играющим в покер.

– Было тут без меня что-нибудь заслуживающее внимания?

– Нет, шеф, текучка, как всегда. Я передал Пенни.

– Хорошо.

Повернувшись к Корпсмену, я протянул ему руку, но он словно бы не заметил: руки в боки, он оглядел меня сверху донизу и наконец присвистнул:

– Чудеса! Теперь точно верю, что у нас есть шанс выпутаться из этой истории!

Он еще раз так и сяк осмотрел меня и сказал:

– Повернись-ка, Смайт. Ага, теперь пройдишь, посмотрим, как у тебя с походкой.

Я понял, что раздражен такой наглостью, как был бы раздражен сам Бонфорт. Видимо, на лице моем это тотчас отразилось – Дэк дернул Корпсмена за рукав:

– Кончай, Билл. Забыл, о чем договаривались?

– Ладно, не трусь, – ответствовал Корпсмен, – кабинет звукоизолирован. Я только поглядеть хотел, точно ли он подходит. Да, Смайт, а что там с твоим марсианским? Можешь выдать чего-нибудь?

Я ответил одним многосложным, скрипучим словом на высокомарсианском, переводимым примерно так:

– Приличия требуют, чтобы один из нас покинул это место!

На самом деле смысл его гораздо сложнее – это, по сути, вызов, после которого чье-нибудь Гнездо получает известие о смерти. Но Корпсмен, похоже, ничего не понял. Ухмыльнувшись, он сказал:

– Здорово, Смайт. Я тобой доволен.

Зато Дэк понял все. Он взял Корпсмена под руку и напомнил:

– Билл, я сказал: кончай. Я здесь пока капитан, и это – приказ. Начинаем спектакль немедленно – и без антрактов, понял?

К Дэку присоединился Клифтон:

– Действительно, Билл, мы именно так и решили, помнишь? В противном случае кто-нибудь может в самый ответственный момент забыться.

Покосившись на него, Корпсмен пожал плечами:

– Ладно-ладно. Я же только проверить хотел. Идея-то моя, в конце концов.

Он улыбнулся мне одними губами и сказал:

– Добрый день, мистер Бонфорт. С возвращением.

Слишком уж он нажимал на это «мистер», но я ответил:

– Рад видеть вас, Билл. Есть что-нибудь, о чем я непременно должен знать до посадки?

– Нет, похоже. Пресс-конференция в Годдард-Сити, сразу после церемонии.

Он явно следил за моей реакцией на сообщение. Я кивнул:

– Отлично.

– Родж, – торопливо вмешался Дэк, – как так? Это что, горит? Вы уже дали согласие?

– Я что хочу сказать, – продолжал тем временем Корпсмен, повернувшись к Клифтону, – пока наш шкипер не передрейфил вконец. Я ведь и сам могу ее провести – скажу ребятам, у шефа сухой ларингит после церемонии, или ограничимся ответами на письменные вопросы, если хотите. Их нам заранее дадут, а я, пока идет обряд, составлю ответы. Но раз уж он так похож на шефа, то я согласен рискнуть. Как, «мистер Бонфорт»? Справишься?

– Не вижу препятствий, Билл.

Я подумал, что если уж удастся надуть марсиан, то беседу со стадом диких земных репортеров выдержу и подавно. Им еще самим надоест. Теперь я неплохо владел Бонфортовой манерой разговаривать и в общих чертах усвоил его политическую платформу и систему ценностей. А подробности для пресс-конференции не понадобятся.

Однако Клифтон выглядел озабоченным. Но прежде чем он успел что-либо сказать, по внутренней связи передали:

– Капитана просят вернуться в рубку. Осталось четыре минуты.

Дэк сказал быстро:

– Ну, вы тут сами разбирайтесь, мне еще эту телегу в сарай загонять, а у меня там только салаженки Эпштейна.

И направился к выходу.

Корпсмен крикнул вслед:

– Эй, кэп! Хотел тебе сказать...

С этими словами он выскочил за Дэком, даже не попрощавшись. Роджер Клифтон, прикрыв за ним дверь, тихо сказал:

– Рискнете провести пресс-конференцию?

– Вам решать. Мое дело – устроить все, как надо.

– Мм... Тогда я, пожалуй, склонен рискнуть. Конечно, с вопросами в письменном виде.

Но ответы Билла я прежде проверю сам.

– Отлично. А если найдете возможность дать их мне минут за десять до начала, то вообще проблем никаких. Запоминаю я быстро.

Клифтон пристально меня разглядывал.

– Верю... шеф. Хорошо. Пенни передаст вам ответы сразу после церемонии. Тогда вы сможете сказать, что вам надо в уборную, и спокойно все просмотреть.

– Договорились.

– Ну и отлично. Ох, скажу я вам, насколько же лучше я себя почувствовал, увидев вас!

Чем-нибудь еще могу помочь?

– Пожалуй, все, Родж. Хотя... О нем слышно что-нибудь?

– А? И да, и нет. Он все еще в Годдард-Сити, в этом мы уверены. Его не могли вывезти с Марса или хотя бы из города. Мы перекрыли все лазейки; им просто не удалось бы проскользнуть.

– Да, но Годдард-Сити – городишко небольшой? Наверняка не больше сотни тысяч? Так что ж вам мешает...

– Мешает то, что мы не можем пока объявить о вашем... я хотел сказать, о его похищении. Как только пройдет обряд усыновления, уберем вас с глаз долой и объявим, будто все произошло лишь сейчас. И вот тогда заставим их по винтику город разобрать! Городская верхушка – сплошь ставленники Партии Человечества, но после церемонии они вынуждены будут с нами сотрудничать. И сотрудничество будет таким искренним, какое вам и не снилось. Они уж постараются найти его, пока не налетело все Гнездо Кккахграла и не сровняло город с землей.

– Да-а... Похоже, обычаи и психологию марсиан мне еще зубрить и зубрить.

– Как и всем нам.

– Родж... э-э-э... А почему вы уверены, что он до сих пор жив? Почему бы им – чтоб не рисковать понапрасну – просто не убить его?

Меня вдруг замутило – вспомнил, как, оказывается, просто избавиться от тела, если убийца человек бывалый и не боится крови...

– Да, понимаю вас. Но это тоже связано с марсианскими понятиями о «приличиях». – Родж воспользовался марсианским словом. – Смерть, пожалуй, единственная уважительная причина невыполнения обязательств. И если Бонфорта убьют, Гнездо Кккаха усыновит его посмертно – и после в полном составе, а возможно, вместе со всеми семействами Марса, начнет мстить. Уверяю вас, они даже и не почешутся, вымри все человечество или будь оно уничтожено! Но если убьют одного, чтобы он не смог пройти обряда усыновления, – тут уж совсем другой коленкор! Это становится вопросом обязанностей и приличий, а на подобные вещи марсиане реагируют настолько автоматически, что это иногда здорово напоминает инстинкт. Не инстинкт, конечно, поскольку они жутко разумны. Но порой такой кошмар творят! – Нахмурившись, он добавил: – Временами я жалею, что не остался в родном Сассексе.

Корабельная сирена прервала нашу беседу и заставила разойтись по компенсаторам. Дэк устроил все по первому классу – катер из Годдард-Сити уже ждал, когда мы перейдем в свободное падение. Впятером мы отправились вниз, заняв все пассажирские места в катере. Сделано это было потому, что комиссар-резидент изъявил намерение встретить меня, поднявшись на борт. Удержало его лишь сообщение Дэка, что все свободные места заняты.

Я пытался получше рассмотреть Марс: до этого я видел его лишь мельком из рубки «Тома Пейна», так как не мог проявлять туристского любопытства, – ведь до этого «я» много раз посещал планету. Разглядеть мне ничего толком не удалось. Вначале пилот развернул нас так, что мы поверхность не видели, а когда он выровнялся для захода на посадочную глиссаду, я провозился с кислородной маской.

Эти мерзкие маски марсианского образца чуть не положили конец всей затее. Я ни разу не имел с ними дела, а Дэк впопыхах не подумал, что простая кислородная маска может создать такую кучу проблем. Космическим скафандром и аквалангом мне уже доводилось пользоваться, думал, и здесь то же самое. Черта с два. Любимая модель Бонфорта – «Легкое дыхание», изделие компании «Мицубиси», – оставляла рот свободным, подавая кислород из зарядного устройства на спине в носовой зажим (трубки от компрессора на затылке проходят под ушами и вставляются прямо в ноздри). Что и говорить, отличный аппарат! Если к нему привыкнуть. Хотите, можете в нем есть, пить, болтать и все такое. Но я скорей позволил бы дантисту запустить мне в рот обе руки!

Сложность состояла в том, что приходилось все время контролировать мышцы гортани, иначе вместо, скажем, приветствия окружающие услышат от вас прекрасную имитацию кипящего чайника. А все оттого, что эта чертова штука работает на разности давлений. К счастью, пилот сразу же установил в катере марсианское давление, всем пришлось надеть маски, и я получил около двадцати минут на репетицию. Тем не менее несколько минут мне казалось, что все пропало – из-за одной только этой дурацкой хреновины. Тогда я принялся убеждать себя, что тысячи раз пользовался этой дрянью, что она для меня привычнее зубной щетки, – и в конце концов убедил.

Дэк, как вы помните, избавил меня от бесед с комиссар-резидентом в космосе. Увы, на Марсе он не мог сделать того же – комиссар-резидент встречал катер на космодроме. Однако плотное расписание не оставляло времени для общения с другими людьми. Меня ждали в марсианском городе. Странно было сознавать, что среди марсиан я буду в большей безопасности, чем среди земляков.

Но еще более странно было оказаться на Марсе.

5

Комиссар-резидент Бутройд, как и весь его персонал, был ставленником Партии Человечества. Здесь к ней не принадлежали разве что технические специалисты госслужбы. Однако Дэк заявил, что поставит шестьдесят против сорока за непричастность Бутройда к похищению. Он считал комиссара честным, хотя и туповатым. По этой же причине ни Дэк, ни Клифтон не верили в причастность к похищению премьер-министра Кироги. Похищение они приписывали подпольной террористической группировке, примыкающей к Партии Человечества и называющей себя «Людьми Дела». А ее они связывали с кое-какими респектабельными бизнесменами, которым эта история должна была принести крупную выгоду.

Сам же я между деловым человеком и «человеком дела» особой разницы не ощущал.

Но стоило нам приземлиться, произошло нечто такое, что заставило меня усомниться: а так ли уж старина Бутройд туп и честен, как полагает Дэк? Мелочь, конечно, но из тех, что способны свести на нет любое перевоплощение. Раз уж я имел статус Весьма Важного Гостя, комиссар-резидент вышел встречать меня лично, но, так как в данный момент я был лишь

рядовым членом Великой Ассамблеи без всяких там официальных постов и путешествовал частным образом, никаких особых почестей мне не полагалось. Бутройд встречал меня лишь со своим референтом... и девчушкой лет пятнадцати.

Я знал его по фотоснимкам, да еще Пенни и Родж о нем рассказали. Я подал комиссару руку, осведомился, как его синусит, поблагодарил за приятное времяпрепровождение в прошлый мой приезд, побеседовал с его референтом в той благожелательной мужской манере, которая так хорошо давалась Бонфорту, а затем обратился к юной леди. Я знал, что какие-то дети у Бутройда есть и среди них – дочь, и это, судя по возрасту, наверняка она. Но ни я, ни Родж с Пенни не знали, встречался я с ней уже или нет.

Однако тут помог сам Бутройд:

– Вы еще незнакомы – это Дейдре, моя дочь. Прямо-таки заставила взять ее с собой!

В записях, по которым я изучал роль, не было ничего о том, как Бонфорт обращается с детьми, а потому следовало, не мудрствуя лукаво, *быть* Бонфортом – вдовцом за пятьдесят, без детей или хотя бы племянников. И уж тем более без опыта общения с девочками-подростками. Зато с богатейшим опытом общения со взрослыми любых мастей! И потому я повел себя так, будто она по крайней мере раза в два старше, чем есть, даже поднес ее руку к губам, хоть и не поцеловал. Щеки ее ярко вспыхнули, но девочка была явно польщена.

Бутройд снисходительно поглядел на нее:

– Ну что ж ты? Спроси, не стесняйся. Другого раза может не быть!

Она совсем покраснелась и пролепетала:

– Сэр... Нельзя ли попросить ваш автограф? Девочки в нашей школе все собирают... У меня даже мистера Кирогги есть... Если вас не затруднит... Я очень хотела бы ваш.

На свет божий появился небольшой блокнот, прятанный до этого за ее спиной. Тут я ощутил себя водителем вертолета, у которого потребовали права, а они дома, в других штанах. Роль-то я изучал прилежно, однако кто мог знать, что придется подделывать подпись?! А-а-а, провались ты, невозможно же заучить *все* за два с половиной дня!

Но Бонфорт просто не мог отказать в подобной ерунде, а я был Бонфортом, не забывайте. Весело улыбнувшись, я спросил:

– У вас уже есть автограф мистера Кирогги?

– Да, сэр...

– Только подпись?

– Да. И еще он приписал: «С наилучшими пожеланиями».

Я подмигнул Бутройду:

– Видали, а?! «С наилучшими пожеланиями»! Юным леди я меньше чем «с любовью» никогда не пишу! Мы с вами, мисс, знаете что сделаем...

Взяв у нее блокнот, я осмотрел его. Дэк, нервничая, напомнил:

– Шеф, время!

– Не беспокойтесь, капитан, – сказал я, не оборачиваясь, – все марсиане на свете могут подождать, пока не будет исполнено желание юной леди. – Я передал блокнот Пенни. – Запишите размеры, а потом напомните мне послать фото, которое сюда подойдет, – и с автографом, разумеется.

– Да, мистер Бонфорт.

– Устроит вас это, мисс Дейдре?

– Ура! Еще бы!

– И прекрасно. Очень рад знакомству. Ну что ж, капитан, в путь? Господин комиссар, вон та машина – не наша?

– Ваша, мистер Бонфорт. – Комиссар, недовольно морщась, покачал головой. – Похоже, вы обратили в свою экспансионистскую ересь члена моей семьи. Не очень-то честно, а?

– Урок, урок вам, ха-ха! Не берите с собой дочерей в дурные компании! Верно, мисс Дейдре? – Я пожал ему на прощанье руку. – Рад был видеть вас, господин комиссар. Спасибо за встречу: нам пора!

– Да, конечно. Рад был вас видеть.

– Спасибо, мистер Бонфорт!

– *Вам* спасибо, дорогая мисс!

Не торопясь, чтобы не показаться в стереозаписи суетливым или взволнованным, я направился к машине. Вокруг кишмя кишели фотографы, репортеры, операторы и прочие охотники до новостей. Билл удерживал их в стороне. Когда мы подошли, он, помахав нам, крикнул: «Счастливо, шеф!» – и вернулся к беседе. Родж, Дэк и Пенни сели со мной в машину. На поле толкалась целая толпа, не такая, конечно, как в земных портах, но все-таки. После того как Бутройд меня признал, на их счет я не беспокоился – однако здесь наверняка были и те, кто точно знал о подмене.

О них я постарался забыть. Сейчас они не могли причинить мне вреда, не засветившись.

Машина оказалась герметичным «роллс-аутлендером», но кислородной маски я, по примеру других, не снял. Я поместился справа, рядом – Родж и Пенни, а Дэку с его длинными ножищами досталось одно из откидных сидений. Водитель оглядел нас сквозь перегородку и нажал стартер.

Родж вздохнул облегченно:

– Фу-ты! Я уж было перепугался.

– А, не стоило того. Давайте теперь помолчим, хорошо? Хочу повторить речь.

Речь я и так знал на отлично, просто хотелось поглазеть на марсианские пейзажи. Машина шла по северному краю поля, мимо вереницы пакгаузов. Пока что глазеть можно было лишь на рекламы: «Вервайс трейд компани», «Диана аутлайнз, лимитед», «Три Планеты», «И. Г. Фарбениндустри»... Марсиан кругом было так же много, как и людей. Мы, кроты, считаем марсиан медлительнее улиток, и справедливо: таковы они в гостях, земное притяжение для них тяжеловато. Не то на Марсе – уж здесь они на своих «подошвах» скользят легче, чем камешки по воде!

К югу от нас лежала плоская равнина, и тянулся к непривычно близкому горизонту Большой канал. Противоположного берега было не разглядеть. Впереди виднелось Гнездо Кккаха. Сказочный город! Я всматривался в него, и даже сердце замирало от этой изящной, хрупкой красоты... И тут Дэк внезапно рванулся вперед.

Мы уже миновали полосу оживленного движения у складов, но машине, выскочившей из-за поворота, я никакого значения не придал. А Дэк, видать, постоянно держал ухо востро: стоило встречной машине приблизиться, он неожиданно опустил перегородку, перегнулся через шофера и вцепился в баранку. Машина рванулась вправо, едва не врезавшись во встречную, затем влево, чудом не вылетев с шоссе. Ох как своевременно было то чудо! Дорога в этом месте шла по самому берегу канала.

В «Эйзенхауэре» два дня назад я был Дэку не помощник: безоружен, да и не ожидал ничего такого. Сейчас я был столь же безоружен, даже пломбы с ядом и той не было, зато вел себя гораздо лучше. Дэк, перегнувшийся через спинку сиденья, все внимание сосредоточил на дороге. Шофер, сперва опешивший, теперь пытался вырвать у него руль.

Я подался вперед, левой сдавил шоферу горло, а большим пальцем правой ткнул его в бок:

– Шевельнешься – получишь пулю!

Голос принадлежал злодею из «Джентльмена со второго этажа», реплика тоже оттуда.

Мой пленник притих. Дэк быстро спросил:

– Родж, что они там?

Клифтон, посмотрев назад, ответил:

– Разворачиваются.

– О'кей. Шеф, держите его на мушке, пока я не пересяду.

С этими словами он уже перебирался за руль. Буркнув что-то о неумеренной длине своих ног, Дэк уселся наконец и дал газу.

– Вряд ли что-нибудь на четырех колесах догонит «роллс» на прямой трассе. Родж, как они там?

– Только развернулись!

– Отлично! А с этим субчиком что? Может, выкинуть?

Жертва моя задергалась, сдавленно сипя:

– Э-э-э! Что я вам сделал?!

Я нажал пальцем посильней, он заткнулся.

– Абсолютно ничего, – согласился Дэк, не спуская глаз с дороги. – Разве что замышлял малюсенькую такую аварию, как раз чтобы мистер Бонфорт опоздал. И если б я вовремя не усек, что ты шкуру свою бережешь и сбавляешь скорость, у тебя бы, глядишь, получилось. Кишка тонка оказалась, да?

Он повернул так резко, что машина встала на два колеса, а гироскоп ее тревожно загудел, восстанавливая равновесие.

– Ну что там, Родж?

– Отстали.

– Ага.

Дэк не сбавлял скорость – мы делали больше трехсот в час.

– Вряд ли они устроят пальбу – тут у нас их приятель. Как полагаешь, ты? Или не задумаются списать тебя в расход?!

– Не понимаю, о чем вы говорите, но за свои безобразия вы точно ответите!

– Точно, говоришь? Да неужели? Думаешь, четверым уважаемым людям не поверят, а поверят твоей рецидивистской роже? Или, скажешь, ты не ссыльный? В любом случае мистер Бонфорт предпочел доверить машину мне, ты, естественно, не мог ему отказать.

Колесо наше на что-то наткнулось; машину тряхнуло, и мы с пленником чуть не прошибли макушками потолок.

– «Мистер Бонфорт»! – пленник грязно выругался.

Выдержав паузу, Дэк заметил:

– А знаете, шеф, не стоит, пожалуй, его выкидывать. Сейчас вас отвезем, а потом этим типом займемся – там, где потише. Думаю, если умеючи поспрошать, он много чего расскажет.

Шофер затрепыхался. Я сильнее сдвинул его глотку и еще раз ткнул пальцем. Не слишком уж похоже на пистолет, но поди проверь! Пленник уgomонился и буркнул:

– Не посмеете вы мне наркоту колоть!

– Боже, как вы могли подумать! – В голосе Дэка звучало неподдельное возмущение. – Ведь это противозаконно! Пенни, дорогая, шпилька у тебя найдется?

– Конечно, – ответила Пенни. Судя по голосу, она ничего не поняла (как и я), но несколько не испугалась (в отличие от меня).

– И чудесно. Малыш, тебе загоняли когда-нибудь шпильку под ноготь? Говорят, снимает даже гипноблоки – действует непосредственно на подсознание или вроде того. Только вот звуки, которые при этом издает пациент, несколько резковаты для слуха; поэтому мы с тобой поедem в дюны, там никто, кроме скорпионов, не услышит. А когда ты нам все расскажешь, для тебя наступит весьма приятный момент: отпустим на все четыре стороны. Иди себе куда хочешь, до города недалеко. Но – слушай внимательно! – если будешь предельно любезен и вежлив в обращении, получишь награду. Мы дадим тебе в дорогу твою маску.

Дэк замолчал, некоторое время слышался лишь свист разреженного марсианского воздуха. На Марсе человек без кислородной маски пройдет ярдов двести, и то если он в прилич-

ной форме. Я, правда, читал об одном – он ухитрился пройти почти полмили, прежде чем загнулся. А одометр показывал, что до Годдард-Сити около двадцати трех километров.

Пленник заговорил:

– Не знаю я ничего, ребята, честно! Меня наняли, чтоб тачку вам расшиб!

– Ну, мы тебе поможем вспомнить.

Машина приближалась к воротам марсианского города.

– Здесь мы вас оставим, шеф. Родж, возьми свою пушку, присмотри за гостем. Шефу пора.

– Да, верно.

Родж придвинулся поближе и тоже ткнул пленника пальцем. Я откинулся назад. Дэк, посмотрев на часы, удовлетворенно заметил:

– На четыре минуты раньше срока! Отличная машина, мне бы такую. Родж, не нависай, мешаешь.

Клифтон посторонился. Дэк профессионально рубанул пленного ребром ладони по горлу. Тот отключился.

– Это его утомит на время. Нельзя допустить переполоха на глазах у всего Гнезда. Что там со временем?

В запасе оставалось еще три с половиной минуты.

– Вы должны появиться точно вовремя. Ни до, ни после – секунда в секунду. Понимаете?

– Да, – хором ответили мы с Клифтоном.

– Тридцать секунд, чтобы подняться по пандусу. У вас еще три минуты. Что собираешься делать?

– Нервы в порядок привести, – вздохнул я.

– Да в порядке твои нервы, старина. Поздравляю, не растерялся. Ничего, еще часа два – и отправишься домой с грудой денег, карманы не выдержат! Остался последний рывок.

– Твои б слова – да богу в уши. Дэк?

– Да?

– Отойдем на минуту. – Я вылез из машины и поманил Дэка в сторонку. – А что будет, если я в чем-нибудь ошибусь?

– А? – Дэк глянул удивленно, затем рассмеялся – немного слишком сердечно. – Не ошибешься. Пенни говорила, ты сложил в черепашку все, что надо.

– И все-таки?

– Ты не можешь провалиться, тебе говорят. Я все понимаю; сам когда-то сажал корабль в первый раз. Но там, как дошло до дела, просто времени не было бояться.

В разреженном воздухе непривычно тонко прозвучал голос Клифтона:

– Дэк! Вы следите за временем?

– Куча времени – больше минуты!

– Мистер Бонфорт! – Это была Пенни.

Я подошел к ней, она вылезла из машины и протянула руку:

– Удачи, мистер Бонфорт!

– Спасибо, Пенни.

Родж пожал мне руку, Дэк хлопнул по плечу:

– Тридцать пять секунд. Пора.

Я кивнул и зашагал вверх, к воротам. Должно быть, добрался я до них с запасом в секунду-две – массивные створки распахнулись, стоило мне к ним подойти. Я перевел дух, в последний раз проклял эту дурацкую маску...

...И вышел на сцену.

Сколько раз вы это проделывали – никакого значения не имеет. Премьера! Занавес пошел! Ваш выход! – и дух перехватывает, и замирает сердце. Конечно, вы знаете роль. Конечно, вы спросили импресарио, сколько народу в зале. Конечно, вы все это в точности проработали на репетициях. Все равно. Ваш выход – и сотни глаз направлены на вас; публика ждет, что вы скажете, ждет, что вы сделаете, может, даже ждет, что вы забудете роль... И все это вы чувствуете. Потому-то в театрах и есть суфлеры.

Осмотревшись, я увидел здешнюю публику, и мне жутко захотелось удрать. Впервые за три десятка лет я почувствовал мандраж на сцене.

Будущие родственники заполняли все вокруг, на сколько видел глаз. По обе стороны оставленного для меня прохода их были тысячи – точь-в-точь грядка, плотно засаженная спаржей. Я знал, что первым делом должен пройти по этому проходу до пандуса, ведущего во внутреннее Гнездо.

Я не мог сделать и шагу.

Тогда я сказал себе: «Парень, ты – Джон Джозеф Бонфорт! До этого ты бывал здесь десятки раз! Все это – твои друзья. И ты здесь потому, что сам так хотел, и они тоже рады видеть тебя сегодня! А ну, давай пошел! Там-там-та-там! А вот и новобрачная!»

И я снова стал Бонфортом. Дядюшкой Джо Бонфортом, желающим исполнить это все как нельзя лучше – для чести и блага народа моей планеты и моих друзей-марсиан. Я сделал глубокий вдох и пошел.

Глубокий вдох меня и выручил – я почувал небесный аромат. Тысячи и тысячи марсиан – собранные вместе, они благоухали так, словно здесь кто-то выронил и разбил целый ящик «Вожделения джунглей». Уверенность, что я действительно чувствую запах, даже заставила обернуться, поглядеть, не идет ли следом Пенни. Пальцы мои все еще хранили тепло ее руки.

Я захромал по оставленному мне коридору, стараясь двигаться с той же скоростью, что марсиане на своей родной планете. Толпа смыкалась позади. Иногда малыши убегали от старших и прыгали передо мной. Малыши – я хочу сказать, марсиане, только что прошедшие стадию деления, они вдвое меньше «взрослых» по росту и весу. Их, пока не подрастут, из Гнезд никуда не выпускают; потому мы забываем порой, что бывают на свете и маленькие марсиане. Чтобы подрасти и восстановить память и знания, им требуется лет пять. А сразу после деления марсианин – абсолютный идиот, ему даже до слабоумного еще расти и расти. Перераспределение генов после конъюгации и регенерация после деления надолго выбивают его из колеи, об этом была целая лекция на одной из кассет Бонфорта в сопровождении не шибко качественной любительской съемки.

Малыши, веселые, дружелюбные идиотики, полностью освобождены от любых приличий и всего, что с ними связано. Марсиане в них души не чают.

Два таких малыша, совсем еще маленькие, выскользнули из толпы и встали, загородив проход, будто два несмышленных щенка посреди шоссе. Оставалось либо тормозить, либо сбивать их с ног.

Я затормозил. Они придвинулись вплотную, теперь уже окончательно перекрыв коридор, и, выпустив ложнолапки, зачирикали, обмениваясь впечатлениями. Я их совершенно не понимал, а они немедленно вцепились в мою одежду и принялись шарить в нарукавных карманах.

Толпа тесно обступила коридор, и обойти малышей я не мог. Что же делать? Малыши были так милы, что я чуть не полез в карман за конфетой, которой там не было. С другой стороны, обряд усыновления рассчитан по секундам, почище любого балета. Не добравшись вовремя до пандуса, я совершу тот самый классический грех против приличий, прославивший в свое время Кккахгала Младшего.

Но малыши и не думали уступать мне дорогу: один из них откопал в кармане мои часы.

Я вздохнул, и волна аромата накрыла меня с головой. Приходилось рисковать. Ласкать детишек принято во всей Галактике; если обычай сей перевесит крошечное нарушение марси-

анских приличий, то мне, считай, удалось создать прецедент. Я опустился к малышам, став на одно колено, ласково потрепал и погладил их чешуйчатые бока.

Поднявшись, произнес осторожно:

– Пока, ребятки, мне пора.

Фраза эта исчерпала львиную долю моего упрощенного марсианского. Малыши опять придвинулись ко мне, но я бережно отстранил их и быстро-быстро зашагал дальше, стараясь наверстать упущенное. Ни один Жезл Жизни не проделал дыры в моей спине! Значит, можно надеяться, я не так уж сильно погрешил против приличий. Благополучно добравшись до пандуса во внутреннее Гнездо, я начал спуск.

Строкой звездочек я обозначил здесь обряд усыновления. Почему? А потому, что знать о нем положено только принадлежащим к Гнезду Кккаха. Это семейное дело.

Скажем так: у мормона могут быть близкие друзья-немормоны, но разве эта дружба дает иноверцам право посещения храма в Солт-Лейк-Сити? Ни под каким видом! Марсиане частенько наносят визиты друг другу, однако никогда не войдут в чужое внутреннее Гнездо. Даже супруги-конъюганты не пользуются такой привилегией. Вот почему я не имею права детально описывать обряд, как и член масонской ложи не может рассказывать о ее ритуалах посторонним.

Общие черты можно и не скрывать, они одинаковы во всех Гнездах Марса, как и свалившаяся на меня роль одинакова для всех усыновляемых. Мой, так скажем, крестный, старейший марсианский друг Бонфорта Кккахррриш, встретил меня у входа и погрозил Жезлом. В ответ я потребовал, чтобы он убил меня, если я виновен в нарушении приличий. Правду сказать, я его не узнал, хотя и видел на фото, просто это должен был быть он – таков ритуал.

Засвидетельствовав таким образом, что свято чту Материнство, Дом, Гражданские добродетели и не пропустил ни одного занятия в воскресной школе, – я получил позволение войти. ‘Ррриш провел меня по всем пунктам, где мне задавали вопросы, а я отвечал. Каждое слово, каждый жест были отработаны, словно в классической китайской пьесе, – и слава богу, иначе я не имел бы ни единого шанса. Большинства вопросов и половины своих ответов я не понимал вовсе – то и другое просто зазубрил наизусть. И оттого что марсиане предпочитают неяркий свет, было ничуть не легче, приходилось блуждать на ощупь, точно кроту.

Раз довелось мне играть с Хоком Мантеллом, незадолго до его смерти. Он уже тогда был глух как пень. Вот это, скажу вам, партнер! Он не мог даже пользоваться слуховым аппаратом – атрофия слухового нерва, кое-что читал по губам, но это, сами понимаете, далеко не всегда возможно. И поэтому Мантелл управлял постановкой лично и рассчитал все действие по секундам. Я сам видел, как он подавал реплику, отходил, затем резко поворачивался и отвечал на реплику, которой не слышал, точно по времени.

Здесь происходило нечто похожее. Я знал роль и играл. Если бы и вышла накладка, то не по моей вине.

Однако на меня были постоянно направлены с полдюжины Жезлов, что никоим образом не воодушевляло. Я убеждал себя, что меня не станут прожигать насквозь из-за случайной оплошности, – я, в конце концов, всего лишь бедный, туповатый землянин, и марсиане склонны проявить снисходительность, вознаградив мои потуги проходным баллом. Но, если честно, верилось с трудом.

Прошло, казалось, несколько дней – ерунда, конечно; обряд занимает ровно одну девятую марсианских суток, – прежде чем дело дошло до трапезы. Не знаю, что именно я ел, и знать не хочу. По крайней мере, не отравился.

Затем старейшины произнесли речи. Я же в ответной речи поблагодарил Гнездо за оказанную честь, после чего получил имя и Жезл. Я стал марсианином.

И пусть я понятия не имел, как пользоваться Жезлом, а мое новое имя звучало воплем испорченного крана! С этой минуты оно было моим законным марсианским именем, а сам я – прямым родственником самого аристократического семейства планеты. Это – спустя пятьдесят два часа после того, как крот без гроша в кармане на последний свой полуимпериал выставил угощение незнакомцу в баре «Каса Маньяна»!

По-моему, это лишний раз доказывает, что не стоит разговаривать с незнакомцами.

Ушел я, едва позволили обстоятельства. Дэк загодя составил мне речь с доказательствами того, что приличия требуют моего присутствия в другом месте, и меня отпустили. Нервничал я, как мужчина в женском студенческом общежитии, поскольку теперь приходилось импровизировать. Я хочу сказать, что даже неформальное общение на Марсе обнесено непрошибаемой стеной приличий, которых я не знал, поэтому произнес заученные извинения и удалился. ‘Рриш и еще один из старейшин пошли за мной. На обратном пути я имел удовольствие поиграть с другими двумя малышами, может быть, теми же самыми. У ворот старейшины проскрипели: «Гутбаа» – и отпустили меня с миром. Ворота захлопнулись, и только тут душа вернулась у меня из пяток.

«Роллс» ждал на том же месте. Я поспешил к нему, дверца распахнулась – в машине сидела одна Пенни. И удивительно, но от этого мне стало очень даже приятно...

– Хохолок! Наша взяла!

– Я и не сомневалась.

– Зовите меня просто – Кккахжжер! – Я, как положено, заглушил первый слог вторым и лихо отсалютовал Жезлом.

– Осторожней с ним, – нервно сказала Пенни.

Я забрался на переднее сиденье рядом с ней и спросил:

– А вы не знаете, как этой штукой пользуются?

Понемногу отходя, я чувствовал, что измотан, однако настроение было веселое. Сейчас бы еще тройную порцию чего покрепче, да к ней бифштекс вот такой толщины... А там посмотрим, что скажет критика!

– Не знаю. Но лучше отложите его в сторонку!

– По-моему, надо нажать вот здесь...

И я нажал. В ветровом стекле «роллса» образовалась аккуратная, дюйма в два, дырка, отчего он перестал быть герметичным.

Пенни ойкнула.

– Тьфу ты... Извините. Лучше действительно не трогать, пока Дэк меня не научит.

Она сглотнула:

– Да ничего, только не направляйте его куда попало.

Едва включив двигатель, Пенни рванула с места. Я понял, что в этой компании не один Дэк так любит давить на газ.

Ветер свистел в проделанной Жезлом дыре.

– А к чему такая спешка? Мне же еще ответы для пресс-конференции готовить! Они у вас, Пенни? И кстати, где остальные?

Я совсем забыл, что с нами еще и пленный водитель. От всего внешнего я отрешился, едва ворота Гнезда захлопнулись, впусив меня внутрь.

– В городе. Они не смогли вернуться.

– Пенни, да в чем дело? Что стряслось?!

Я уже гадал, смогу ли провести пресс-конференцию без репетиции. Может, рассказать немного об усыновлении? Уж тут-то врать не придется...

– Мистер Бонфорт... Мы его нашли!

6

Только сейчас я заметил, что Пенни ни разу не назвала меня «мистером Бонфортом». Естественно, я ведь им и не был теперь, я вновь – лицедей Лорри Смайт, нанятый для временной подмены!

Отдуваясь, я откинулся назад и позволил себе расслабиться.

– Ну что ж, значит, с этим – все? Наконец-то...

Гора с плеч! До этого момента я даже не представлял, сколь тяжела эта гора. И «хромая» нога перестала болеть... Я похлопал Пенни по руке, сжимавшей баранку, и сказал собственным голосом:

– До чего я рад, что все позади! Но вас, дружище, мне будет не доставать. Вы – партнер лучше не надо. Что поделаешь – даже лучшая пьеса когда-нибудь кончается и актеры расходятся по домам... Надеюсь, встретимся как-нибудь.

– Надеюсь...

– Дэк, наверное, уже изобрел способ незаметно подменить меня и протащить на борт «Тома Пейна»?

– Не знаю.

Голос ее звучал как-то странно. Присмотревшись, я понял: она... плачет! Сердце бешено забилося. Пенни плачет? Оттого, что мы расстаемся?! Я не мог поверить, хоть и желал всей душой, чтобы догадка подтвердилась. Поглядеть на мое привлекательное лицо и отточенные манеры – можно подумать, женщины по мне с ума сходят. Однако не сходят же – грустно, но факт! А уж Пенни – тем более...

– Пенни, почему вы плачете? – поспешно сказал я. – Разобьете машину.

– Не... не... не мо... гу больше...

– Что стряслось? Вы сказали, его нашли, а дальше? – У меня появилось вдруг страшное, но вполне логичное подозрение. – Он ведь... жив, верно?

– Да, он жив... но они... что они с ним сделали!

Она зарыдала, и мне пришлось перехватить руль. Однако Пенни быстро взяла себя в руки:

– Извините.

– Хотите, я поведу?

– Ничего, все в порядке. К тому же вы не умеете – в смысле, не должны уметь.

– Что? Ерунда, прекрасно умею, а роль ведь уже кон...

Я оборвал себя на полуслове, догадавшись, что роль, скорее всего, продолжается. Если Бонфорта избили так, что этого не скрыть, не может же он показаться на люди в таком виде через четверть часа после усыновления его Гнездом Кккаха. Значит, мне придется взять на себя пресс-конференцию и публично откланяться, пока Бонфорта будут перевозить на борт его яхты. Что ж, отлично, выйду на бис. Делов-то.

– Пенни, а что говорят Дэк с Роджем? Играть дальше или не надо? У меня будет встреча с журналистами?

– Не знаю. Времени совсем не было.

Мы уже подъезжали к пакгаузам у космодрома. Впереди маячили громадные купола Годдard-Сити.

– Пенни, притормозите-ка и объясните все толком. Мне нужно знать, как вести спектакль дальше.

Шофер раскололся – пользовались ли при этом шпилькой, я не спрашивал. Затем его, как и обещали, отпустили и даже не отобрали маску. Все остальные покатили в Годдард-Сити; за баранкой сидел Дэк. Хорошо меня с ними не было! «Дальнобойщикам» нельзя доверять ничего, кроме звездолетов.

Шофер назвал адрес в Старом городе, под одним из первых куполов. Я так понял, это из тех «веселых местечек», без каких не обходится ни один порт, с тех пор как финикийцы обогнули Африку. Обитают там бывшие каторжники, проститутки, торговцы наркотой, налетчики и прочий сброд. Такие места полицейские патрулируют только в паре.

Шофер, как выяснилось, не соврал, однако его информация немного устарела. В помещении точно кого-то держали: там стояла кровать, с которой не вставали, похоже, с неделю, а кофейник на столе еще не успел остыть. На полке лежала завернутая в полотенце старомодная вставная челюсть. Клифтон ее узнал – челюсть принадлежала Бонфорту. Все следы были налицо. Не было лишь самого Бонфорта и его тюремщиков.

Уходя, ребята собрались было претворить в жизнь первоначальный план – тут же по окончании обряда объявить о похищении и прижать как следует Бутройда, пригрозив в случае чего призвать на помощь Гнездо Кккаха. Но они нашли Бонфорта – просто наткнулись на него, выходя из Старого города. Выглядел он нищим оборванным стариком со щетиной недельной давности на лице, грязным и не в своем уме. Он еле держался на ногах. Мужчины не узнали Бонфорта – узнала Пенни и заставила остановиться.

Рассказывая мне об этом, она опять разрыдалась, и мы чудом не врезались в тягач, подъезжавший к грузовым докам.

А дело, похоже, было так: парни из той машины на шоссе, что пыталась с нами столкнуться, доложили обо всем нашим неведомым противникам, и те решили, что похищение утратило актуальность. Но вопреки всем слышанным доводам я никак не мог понять, почему они просто не убили Бонфорта. Только позже до меня дошло: то, что они с ним сотворили, было ходом куда более изощренным и жестоким, чем убийство.

– А где он сейчас?

– Дэк отвез его в хостел для «дальнобойщиков», третий купол.

– Мы сейчас туда?

– Не знаю... Родж велел подобрать вас, а потом они пошли через служебный вход. Нет, наверное, туда ехать не стоит. Не знаю, что делать...

– Ладно. Пенни, остановите.

– Что?

– Наверняка в машине есть телефон. И мы никуда не поедem, пока не выясним – или не догадаемся, – что нам делать. В одном я уверен: нужно оставаться в роли, пока Дэк или Родж не даст отбой. Кто-то должен побеседовать с репортерами и официально отбыть на борт «Тома Пейна». Вы твердо уверены, что мистер Бонфорт не справится сам?

– Нет-нет! Это невозможно! Вы его не видели.

– Не видел. Поверю вам на слово. Отлично, Пенни. Я вновь – мистер Бонфорт, а вы – мой секретарь. Так и держимся.

– Слушаю, мистер Бонфорт.

– Теперь, если вас не затруднит, свяжитесь с капитаном Бродбентом.

Справочника в машине не оказалось, пришлось запрашивать Информационную. Наконец Пенни дозвонилась в клуб «дальнобойщиков». Я мог слышать ответ:

– Клуб «Пилот». Миссис Келли у аппарата.

Пенни прикрыла микрофон:

– Мне представиться?

– Конечно, нам нечего скрывать.

– Говорит секретарь мистера Бонфорта, – уверенно ответила Пенни. – Его пилот капитан Бродбент у вас?

– А, знаю, знаю, дорогуша, – сказала миссис Келли и крикнула кому-то: – Эй, там, табакеры! Дэка не видали?

Через минуту она ответила:

– Он в номер свой пошел, милочка. Сейчас соединю.

Вскоре Пенни сказала:

– Капитан, шеф хочет с тобой говорить, – и передала микрофон мне.

– Дэк, это шеф.

– Слушаю, сэр. Где вы сейчас?

– Пока в машине. Пенни меня встретила. Скажите, Дэк, где именно Билл назначил пресс-конференцию?

Дэк явно колебался:

– Хорошо, что вы позвонили, сэр. Билл отменил пресс-конференцию. Ситуация несколько... поменялась.

– Да, Пенни мне сообщила. И знаете, капитан, я только рад. Честно говоря – устал сегодня, как пес. Не хотелось бы ночевать на планете, к тому же и нога распухла... Жду не дождусь невесомости – хоть отдохну как следует.

Сам я невесомости терпеть не мог, но Бонфорту нравилось.

– Так, может, вы или Родж извинитесь за меня перед комиссаром и уладите оставшиеся формальности?

– Хорошо, сэр, сделаем.

– И ладно. Катер для нас скоро будет готов?

– «Пикси» готова к старту в любую минуту, сэр. Подъезжайте к третьим воротам, я распоряжусь, чтобы вас встретила полевая машина.

– Прекрасно. У меня все.

– Счастливого, сэр!

Я вернул микрофон Пенни, она уложила его на место.

– Знаешь, Хохолок, вполне возможно, что эту частоту постоянно прослушивают. А может, и машина набита «жучками». Если хоть одно из двух верно, они имели возможность выяснить две вещи: где находится Дэк, а заодно и *он*, а во-вторых, что собираюсь делать я. Что скажешь?

Она задумалась, вынула свой блокнот и написала: «Нужно избавиться от машины».

Я кивнул и взял у Пенни блокнот: «Ворота № 3 далеко?»

Она ответила: «Дойдем».

Без единого слова мы вылезли из машины и пошли прочь. Перед началом разговора Пенни остановилась на стоянке для городских чиновников возле одного из складов. Можно было не сомневаться, что отсюда машину со временем вернут хозяину, – такие пустяки сейчас значения не имели.

Ярдов через пятьдесят я остановился. Что-то было не в порядке. Погода стояла чудесная, фиолетовое марсианское небо было чистым, приятно грело солнце... Прохожие и проезжие не обращали на нас никакого внимания – а если и обращали, то на молодую симпатичную девушку, но никак не на меня. И все же что-то было не так.

– Что случилось, шеф?

– А? А, так вот в чем дело!

– Сэр?..

– Я вышел из образа. Не в его характере пробираться тайком. Давай-ка, Пенни, вернемся.

Возражать она не стала. Мы снова уселись в машину, на этот раз я забрался на заднее сиденье, напустил на себя побольше важности и велел везти себя к воротам № 3.

Ворота оказались не теми, через которые мы выезжали. Наверное, Дэк выбрал их потому, что пассажиров тут почти не было – везли в основном груз. Пенни, не обращая внимания на запрещающий знак, остановила «роллс» у самых ворот. Дежурный пытался протестовать, но она холодно заявила:

– Машина мистера Бонфорта. Будьте любезны позвонить в канцелярию комиссар-резидента, пусть за ней пришлют.

Дежурный смешался. Заглянув на заднее сиденье, он узнал меня, вытянулся и отдал честь. Я приветственно помахал рукой; он распахнул передо мной дверцу.

– Лейтенант наш строг, – извиняющимся тоном сообщил он, – а по инструкции, мистер Бонфорт, нельзя проезд загромождать... Но насчет вас-то, наверно, все в порядке.

– Можете ее сразу и отогнать, – ответил я. – Мы с секретарем отбываем. Полевая машина за нами пришла?

– Сейчас посмотрю, сэр.

Дежурный удалился. По-моему, он был достаточным количеством публики, собственными глазами видевшей, что мистер Бонфорт подъехал на правительственной машине и последовал на личную яхту. Я сунул Жезл Жизни под мышку, словно маршальский, и захромал за дежурным. Пенни поспешила следом. Дежурный спросил о чем-то у охранника и быстро вернулся, не снимая с физиономии улыбки:

– Полевая ждет, сэр!

– Благодарю вас.

Я было поздравил себя с тем, как точно все рассчитал...

– Э-э-э...

Дежурный заметно волновался. Понизив голос, он добавил:

– Я тоже экспансионист, сэр. Доброе дело вы сегодня провернули!

Он указал взглядом на Жезл Жизни. Глаза его светились благоговением.

Как поступил бы на моем месте Бонфорт, я знал точно.

– Сделал все, что мог. Спасибо вам! И еще – детишек вам побольше, мы должны иметь абсолютное большинство!

Дежурный заржал гораздо громче, чем заслуживала моя шутка.

– Крепко запущено! А ничего, если я ребятам расскажу?

– Ну какой может быть разговор!

Мы двинулись к воротам. Охранник вежливо придержал меня за локоть:

– Э... Ваш паспорт, мистер Бонфорт.

По-моему, я и глазом не моргнул:

– Пенни, наши паспорта.

Пенни держалась до отвращения официально:

– Капитан Бродбент уладит все формальности.

Охранник отвел взгляд:

– Я и не сомневаюсь, что все в порядке... Но я должен их проверить и записать номера.

– Да, конечно. Тогда, наверное, нужно позвонить капитану Бродбенту, пусть подъедет. Кстати, назначено нам время старта? Свяжитесь с диспетчерской, попросите немного задержать вылет.

Но Пенни пришла в ярость:

– Мистер Бонфорт, это же смешно! Мы никогда не подвергались подобным бюрократическим проверкам. Во всяком случае, на Марсе.

Дежурный торопливо вставил:

– Да конечно же все в порядке! Ганс, не видишь – это же мистер Бонфорт!

– Да, но...

Я, радостно улыбаясь, перебил его:

– Тогда сделаем проще. Если вы... Как вас зовут, сэр?

– Хаслвантер. Ганс Хаслвантер, – отвечал охранник неохотно.

– Так вот, мистер Хаслвантер, если вы свяжетесь с комиссаром Бутройдом, я с ним побеседую – и не придется отрываться от дел моего пилота. Заодно это сэкономит мне кучу времени – час или около того.

– Ох не нравится мне это, сэр... Может, я лучше начальнику охраны позвоню? – предложил Хаслвантер с надеждой.

– Тогда дайте мне номер Бутройда. Я сам ему позвоню.

На сей раз тон был ледяным – только так, и никак иначе, солидный занятой человек, душу кладущий за демократию, ставит на место тех, кто подлой бюрократической волокитой сводит его дело на нет. Это подействовало. Охранник поспешно заговорил:

– Да я знаю, что все у вас как надо, мистер Бонфорт! Только – правила ведь у нас, понимаете...

– Понимаю. Благодарю вас.

Я направился в ворота.

– Погодите! Оверните, мистер Бонфорт!

Я обернулся. Этот служака-формалист задержал нас настолько, что нас нагнали репортеры. Один, припав на колено, уже навел стереокамеру:

– Жезл подержите на виду, пожалуйста!

Остальные, с ног до головы увешанные разными репортерскими причиндалами, брали нас с Пенни в кольцо. Кто-то карабкался на крышу «роллса». Кто-то тянул ко мне микрофон, а его напарник издали направлял другой – дистанционный, весьма похожий на винтовку.

Я разозлился, словно прима, чье имя набрали в афише мелкими буквами, однако помнил, что должен делать. Улыбаясь, я пошел медленнее: Бонфорт хорошо знал, что в записи любое движение выглядит быстрее. Я мог позволить себе повернуть все в полном соответствии.

– Мистер Бонфорт, почему вы отменили пресс-конференцию?

– Мистер Бонфорт, говорят, вы собираетесь потребовать у Великой Ассамблеи полного имперского гражданства для марсиан – ваши комментарии?

– Мистер Бонфорт, когда собираетесь вынести на голосование вопрос о доверии нынешнему правительству?

Я поднял руку с Жезлом и улыбнулся:

– Спрашивайте по очереди, пожалуйста! Слушаю – первый вопрос?

Они, конечно же, заговорили наперебой; во время шумного спора о приоритете я смог обдумать обстановку, выиграв несколько лишних минут. Тут подоспел Билл Корпсмен:

– Ребята, имейте совесть. У шефа был напряженный день, я сам вам все расскажу.

Я успокоил его:

– Ладно, Билл, у нас есть еще пара минут. Джентльмены, я скоро улетаю, но постараюсь в общих чертах удовлетворить ваше любопытство. Насколько мне известно, нынешнее правительство пока не собирается пересматривать отношений Империи с Марсом. Поскольку я в правительстве никакого поста не занимаю, мое мнение несущественно. Думаю, вам лучше спросить мистера Кирогу. Что касается вотума недоверия – оппозиция не собирается ставить его на голосование до тех пор, пока не будет полностью уверена в успехе, и вам по этому поводу известно столько же, сколько и мне.

Кто-то заметил:

– Не много-то вы этим сказали, вам не кажется?

– А я и не собирался говорить много, – ухмыльнулся я. – Задавайте вопросы, на которые я могу ответить, и я отвечу. Задавайте вопросы вроде: «Перестали ли вы бить вашу жену?» – и мои ответы будут им под стать.

Тут я засомневался: ведь Бонфорт известен своей честностью, особенно по отношению к прессе.

– Но я не собираюсь вас обманывать. Все вы знаете, зачем я сегодня здесь. Давайте я об этом и расскажу, и можете меня потом цитировать, если хотите.

Покопавшись в памяти, я наспех состряпал подходящий винегрет из знакомых мне выступлений Бонфорта.

– Подлинное значение сегодняшнего события не в том, что одному человеку оказана честь. Это, – я помахал марсианским Жезлом, – доказательство того, что две великие расы способны шагнуть через пропасть своей несхожести и понять друг друга. Мы, люди, стремимся к звездам. Однажды мы увидим – да и сейчас уже видим, – что мы далеко не в большинстве. И если хотим добиться успеха в освоении Галактики, то должны вести дела честно, смиренно и с открытой душой. Мне приходилось слышать: марсиане, мол, захватят Землю, дай им только шанс. Чепуха! Нашим марсианским соседям Земля не подходит. Защищайте свою территорию – да, но не позволяйте страху и ненависти толкать вас на глупые поступки. Звезды – не для ничтожеств; и величие человека должно выдержать сравнение с величием Вселенной!

Один из репортеров удивленно задрал бровь:

– Мистер Бонфорт! А вы не то же самое говорили в прошлом феврале?

– И в следующем скажу то же самое. И в январе, и в марте, и во все остальные месяцы. Истины слишком много не бывает! – Обернувшись к охраннику, я прибавил: – Извините, господа, нам пора, иначе опоздаем.

Мы с Пенни проследовали в ворота. Как только мы уселись в небольшую машину с защитным покрытием из свинца, дверцы с пневматическим вздохом захлопнулись, и машина тронулась. Вела ее автоматика, потому я смог наконец расслабиться и стать самим собой.

– Уф!

– По-моему, вы были неподражаемы, – серьезно объявила Пенни.

– А я было перепугался, когда меня поймали на повторе.

– Зато выкрутились отлично! На вас будто вдохновение снизошло – вы говорили точно-точно как он!

– А были там такие, кого следовало назвать по имени?

– Не важно. Один, может, два. Но вряд ли они этого ждали – в такой кутерье.

– Да ну их... Как в мышеловку поймали. Этот охранник с маниакальной тягой к паспортам... Да, Пенни, я почему-то думал, документами занимаетесь вы, а не Дэк.

– Дэк ими не занимается. Каждый носит свои при себе.

Она полезла в сумку и извлекла маленькую книжечку:

– Мой – вот, но я решила его не показывать.

– Почему?

– Его паспорт был при нем, когда его похитили. И мы не решались запрашивать дубликат. На меня вдруг навалилась усталость.

Не получив от Дэка с Роджем руководящих указаний, я продолжал представление и на катере, и при пересадке на борт «Тома Пейна». Сложности это никакой не представляло: я просто-напросто отправился напрямик в собственную каюту и провел долгие, отвратительные часы в невесомости, грызя ногти и гадая, что же творится теперь внизу, на Марсе. С помощью нескольких таблеток от тошноты даже заснуть ненадолго ухитрился – и зря. Тотчас же пошли вереницей какие-то невообразимые кошмары: репортеры тыкали в меня пальцами, фараоны хватали за плечо, а марсиане – целились Жезлами. Все они дружно обзывали меня самозванцем и оспаривали лишь привилегию, кому резать меня на ломти и отправлять в убиетку.

Разбудил меня вой предстартовой сирены. Затем из динамиков загудел густой баритон Дэка:

– Первое и последнее предупреждение! Третий g! Одна минута!

Я подтянулся к своей койке и пристегнулся. Со стартом жить стало куда веселей: треть *g* – совсем ничего, почти как на поверхности Марса, однако достаточно, чтобы требуха не бунтовала, а пол был настоящим полом.

Минут через пять Дэк постучал и тут же вошел:

– Здрасте, шеф.

– Привет, Дэк. Рад, что ты здесь.

– А я-то как рад, – устало ответил он, окинув взглядом мое лежище. – Можно я тут лягу?

– Конечно!

Дэк, кряхтя, улегся.

– Как же я вымотался! Неделю бы дрых. А может, и дольше.

– Я тоже. А... он на борту?

– Да. Ну это было и мероприятие!

– Догадываюсь. Но в таком маленьком порту подобный трюк проще проверить, чем в Джефферсоне?

– Ну нет, здесь куда сложнее.

– Почему?

– Здесь все всех знают и языком чесать любят. – Дэк криво усмехнулся. – Мы выдали его за груз креветок из Канала, свежемороженых. Даже пошлину за вывоз заплатили.

– И как он?

– Ну, – Дэк сдвинул брови, – док Чапек сказал, придет в форму. Это только вопрос времени...

С яростью он добавил:

– Попадись они мне в руки! Просто выть хочется, когда видишь, что они с ним сделали!

А мы – ради него же самого – вынуждены спустить им это с рук.

Дэк, похоже, и впрямь готов был взвыть. Я мягко сказал:

– Со слов Пенни, я понял, что с ним грубо обошлись. Сильно его отделали?

– А?! Да нет, там другое. Помимо того что он был грязен и не брит, физически он не пострадал.

Я тупо глядел на него:

– Я думал, его избили. Чем-нибудь вроде бейсбольной биты.

– Да лучше б уж избили! Велика важность – несколько сломанных костей! Нет, им понадобился его мозг!

– Ой. – Мне вдруг стало худо. – Промывка мозгов?!

– Да. То есть и да, и нет. Политических секретов они из него не выколачивали – у него таких просто не водится, он всегда в открытую действует. Наверное, это сделали, просто чтобы держать его под контролем, не позволить ему сбежать. – Дэк помолчал. – Док полагает, они каждый день вводили ему минимальную дозу – только-только чтобы приструнить, и так до самого последнего момента. А перед тем, как отпустить, вкатили столько, что хватило бы слона идиотом сделать. Его лобные доли пропитаны этой дрянью как губка.

Мне вдруг стало так дурно – даже порадовался, что не успел пообедать. Читал я кое-что о таких штуках. С тех пор их ненавижу! Вмешательство в человеческую личность – действие, на мой взгляд, просто сверхунизительное и аморальное. Убийство рядом с ним естественно и чисто – так, простительный грешок. А выражение «промывка мозгов» пришло к нам из времен движения коммунистов – это конец Смутных Веков. Тогда она применялась, чтобы сломить волю человека и изменить его личность – через изощренные пытки и телесные унижения. Однако возни выходило на месяцы; позже разработали более «продуктивный» метод. С его помощью человек становился рабом в считанные секунды – всего-то одна инъекция любой производной кокаина в лобные доли мозга.

Вначале эту мерзость применяли в психиатрии – буйный пациент становился контактным и мог быть подвергнут психотерапии. Тогда это было бесспорной гуманизацией лечения, поскольку позволяло обходиться без лоботомии. Слово «лоботомия» нынче такое же устаревшее, что и «пояс целомудрия», оно означало залезть человеку в голову скальпелем и убить личность, не убивая тело. Да, это правда делали – как чуть раньше били сумасшедших, чтобы «изгнать дьявола».

Коммунисты довели технологию промывки мозгов с применением наркотиков до совершенства. А когда не стало коммунистов, банды Братьев подняли ее на новый уровень. Они могли мизерными дозами добиться от человека подчинения, а могли и накачать его до состояния бесчувственной протоплазмы. И все это во имя Братства! А то какое же, в самом деле, братство, если человек желает что-то скрыть? И как же лучше всего убедиться в его искренности? Конечно, загнать упрямцу иглу за глазное яблоко и впрыснуть ему пару миллиграммчиков в мозг. «Не разбив яиц, не сделаешь омлет» – софистика негодяев!

Конечно, все это давным-давно запрещено законом. Разве что в качестве лечения, да и то с разрешения суда. Но уголовники промывкой мозгов пользуются частенько, да и полиция забывает на время про закон. Все же единственный способ вытянуть из подследственного показания, и следов не остается. Можно даже приказать жертве забыть все, что с ней проделывали.

Так что о промывке мозгов я знал и без Дэка, а чего не знал – вычитал в «Батавской энциклопедии» из корабельной библиотеки. Смотри статью «Психическая интеграция личности», а также «Пытки».

Я замотал головой, стараясь отогнать от себя этот кошмар.

– Но оправиться-то он сможет?

– Док говорит, наркотик не меняет структуру мозга, только парализует. Значит, кровь его постепенно из мозга вымывает, а почки – выводят из организма. Но на все это требуется время. – Дэк вглянул на меня. – Шеф?

– Что? Ведь он вернулся! Не пора ли кончать с этими «шефами»?

– Об этом я и хочу потолковать. Очень ли трудно будет потянуть с перевоплощением еще самую малость?

– Да зачем? И перед кем? Тут вроде все свои...

– Не совсем так. Лоренцо, нам удалось сохранить секрет. Знаем только я да ты, – Дэк загнул два пальца, – да Родж с Биллом, да Пенни, да еще доктор. И еще одного ты не знаешь, он на Земле, его зовут Лэнгстон. Джимми Вашингтон, кажется, подозревает, но он родной матери не скажет, который час. Неизвестно, сколько народу участвовало в похищении, но уж точно – немного. И они, во всяком случае, болтать не станут. А самое смешное, они теперь при всем желании не докажут, что он вообще был у них в руках. Я хочу сказать: здесь, на «Томми», команда и посторонние ничего знать не должны. Старичок, поиграй еще малость, а? Всех дел-то: показаться иногда команде да девчонкам Джимми Вашингтона! Только пока он не поправится. Ну как?

– Мм... А почему бы нет... Это надолго?

– До конца рейса! Мы потихоньку пойдем, на малой тяге. Тебе понравится!

– Ладно. И знаешь, Дэк, не надо мне этого оплачивать. Последнее действие я сыграю просто потому, что *ненавижу* промывку мозгов.

Дэк вскочил и от души хлопнул меня по плечу:

– Лоренцо! Ты наш человек! И не беспокойся за гонорар – в обиде не останешься! – И добавил совершенно другим тоном: – Хорошо, шеф. Спокойной ночи, сэр.

Но одно всегда тянет за собой другое. То ускорение, которое началось после возвращения Дэка, лишь перевело нас на более высокую орбиту, куда не могли добраться репортеры, даже если бы они в погоне за новостями вознамерились преследовать нас на катере. Поэтому

проснулся я в невесомости, однако, проглотив таблетку, ухитрился с горем пополам позавтракать. Вскоре появилась Пенни:

– С добрым утром, мистер Бонфорт!

– Доброе утро, Пенни. – Я кивнул в сторону гостевой комнаты. – Есть новости?

– Нет, сэр, все по-старому. Капитан шлет привет и спрашивает, не затруднит ли вас зайти к нему в каюту.

– Хорошо.

Пенни меня проводила. Дэк восседал в кресле, которое обхватил ногами, чтобы не взлететь. Родж и Билл сидели, пристегнувшись к кушетке. Дэк, оглянувшись, сказал:

– Спасибо, что пришли, шеф. Нужна ваша помощь.

– С добрым утром. Что случилось?

Клифтон ответил на приветствие в обычной своей почтительно-вежливой манере; Корпсмен небрежно кивнул. Дэк продолжал:

– Чтобы выпутаться из этой истории, вам надо еще раз показаться на публике.

– Что? Но я думал...

– Минутку. Оказывается, службы новостей ждали от вас сегодня генеральной речи – ну, комментарии ко вчерашнему. Я думал, Родж ее отменит, но Билл уже все написал. Дело только за вами. Как?

Ну вот. Стоит приютить кошку – у нее тут же появляются котята!

– А где – в Годдард-Сити?

– Нет, нет! Прямо у вас в каюте. Мы ее транслируем на Фобос, а они – на Марс и по правительственной связи в Новую Батавию, там подхватит земная сеть и передаст на Венеру, Ганимед и дальше. Так, часа за четыре, ваша речь облетит всю Систему, а вам и шагу из каюты сделать не придется.

Есть что-то очень соблазнительное в большой сети. Меня транслировали на всю Систему только один раз, да и тогда сократили так, что мое лицо показывали всего двадцать семь секунд. Но получить ее всю в свое безраздельное распоряжение...

Дэк, решив, что я собираюсь отказать, добавил:

– Можно не волноваться, у нас есть все оборудование, чтобы сделать запись тут же, на борту, просмотреть и выкинуть, что будет не нужно.

– Ну ладно. Билл, текст у вас?

– Ну да.

– Дайте-ка посмотреть.

– На что тебе? Придет время – дам!

– У вас что, нет его?

– Говорят же, есть.

– Тогда позвольте посмотреть.

Корпсмен разгневался:

– Посмотришь за час до записи! Такие штуки лучше идут, когда читаешь без подготовки, экспромтом, ясно?

– Эти «экспромты» требуют тщательной подготовки, Билл. И прошу не учить меня моему ремеслу!

– Вчера на космодроме у тебя все хорошо прошло без всякой репетиции. Тут у тебя задача точно та же, и я хочу, чтобы ты сделал то же самое.

Чем больше Корпсмен упирался, тем сильнее проступала во мне личность Бонфорта. Похоже, Клифтон почуял надвигающуюся грозу, потому что сказал:

– Ох, Билл, кончай ты, ради бога! Дай ему текст.

Корпсмен недовольно хрюкнул и бросил мне листы. В невесомости они не могли упасть на пол, зато разлетелись по всей каюте. Пенни собрала их, сложила по порядку и подала мне. Я поблагодарил и начал читать.

Текст я просмотрел быстро и оглядел собравшихся.

– Ну как? – спросил Родж.

– Минут на пять об усыновлении, остальное – аргументы в пользу политики экспансионистов... Почти то же самое, что в речах, которые я заучивал.

– Верно, – согласился Клифтон. – Усыновление – стержень, на котором держится все остальное. Вы, вероятно, в курсе – мы надеемся скоро поставить на голосование вопрос о доверии правительству.

– Ясно, и не хотите упустить случая ударить в барабан. В общем, все в порядке, но...

– Что? Что-нибудь не так?

– Э-э-э... Стил. В нескольких местах кое-какие слова нужно заменить. *Он* так не сказал бы.

У Корпсмена сорвалось с языка нечто такое, что в присутствии дамы говорить было вовсе не обязательно. Я холодно взглянул на него.

– Слушай, Смайт, – завопил он, – кто лучше знает, что сказал бы Бонфорт? Ты? Или тот, кто уже битых четыре года пишет ему речи?

Я старался держать себя в руках. Отчасти Корпсмен был прав.

– И тем не менее, – отвечал я, – то, что хорошо выглядит на бумаге, не всегда хорошо прозвучит. Мистер Бонфорт, как я понял, великолепный оратор. Его смело можно сравнить с Уэбстером, Черчиллем и Демосфеном – людьми, облакавшими великое в простые слова. А взять хоть это ваше «не согласные ни на какой разумный компромисс»! Оно здесь дважды встречается. Я мог бы так выразиться, у меня вообще слабость к пышным оборотам, да и образованность свою я не прочь показать. Но мистер Бонфорт сказал бы: «тупицы», или «упрямые ослы», или «твердолобые бараны»!.. Потому что эти слова гораздо эмоциональнее!

– Думай лучше, как подать речь, а слова – моя забота.

– Билл, ты не понимаешь. Мне плевать, насколько политически эффективна эта речь, мое дело – перевоплощение. И я не могу говорить за него то, чего он в жизни не сказал бы! Иначе все будет звучать искусственно и фальшиво – вроде козла, говорящего по-гречески! Но если я прочту речь в *его* выражениях – нужный эффект получится автоматически! Он – великий оратор!

– Слушай, Смайт, тебя не речи писать нанимали. Тебя наняли...

– Билл, завязывай! – прервал его Дэк. – И осторожней бросайся этими «Смайтами», понял? Родж, что скажешь?

– Насколько я понял, – сказал Клифтон, – вы, шеф, возражаете лишь против некоторых выражений?

– В общем, да. Неплохо бы еще выкинуть личные выпады в адрес мистера Кирогги и все намеки на тех, кто ему платит. Тоже как-то не в духе Бонфорта, по-моему.

Клифтон смутился:

– Этот кусок я сам вставил, но вы, кажется, правы. Он всегда оставляет слушателям возможность пошевелить мозгами. – Клифтон немного помолчал. – Хорошо. Внесите все изменения, какие сочтете нужными. После мы сделаем запись и посмотрим, а если что будет не так, поправим. Или вообще отменим «по техническим причинам». – Он мрачно усмехнулся. – Да, Билл, так и сделаем.

– Черт, да вы смеетесь все, что ли?!

– Отнюдь нет, Билл. Именно так и будет.

Корпсмен вскочил и пулей вылетел из каюты. Клифтон со вздохом сказал:

– Билл терпеть не может замечаний и выслушивать их готов только от шефа. Но вы не думайте, он вовсе не бездарь. Да, шеф, когда вы будете готовы? Передача начнется ровно в шестнадцать ноль-ноль.

– Не знаю точно. Во всяком случае, к сроку.

Пенни отбуксировала меня обратно в кабинет. Когда дверь за нами затворилась, я сказал:

– Пенни, детка, ты мне пока не понадобится – около часа, наверное. Если не трудно, попроси у дока чего-нибудь посильней этих пилюль. Похоже, мне нечто в этом роде скоро пригодится.

– Хорошо, сэр.

Она проплыла к двери:

– Шеф...

– Что, Пенни?

– Я только хотела сказать... Билл врет, будто писал за него речи! Вы не верьте!

– Ну конечно, Пенни. Ведь я слышал *его* речи. И читал Биллово творчество.

– Понимаете, Билл действительно частенько составлял за него черновики, да и Родж тоже. Даже я иногда. *Он* использовал чьи угодно идеи, если считал их стоящими, но, когда выступал с речью, все было его собственным, до последнего слова, правда!

– Я и не сомневаюсь, Пенни... Но жаль, сегодняшнюю речь *он* не написал загодя.

– Ничего, вы только постарайтесь!

Так я и сделал. Начал с простой подстановки синонимов – латинские «скуловороты» заменил округлыми, скачущими легче мячика германизмами, но постепенно пришел в ярость и разодрал речь в клочья. Любимейшая забава всякого актера – лепить по своему усмотрению добавки и импровизировать вокруг основной линии. Однако как редко это удается!

Из публики я допустил в зал лишь Пенни и убедил Дэка, что ни одна живая душа не должна меня подслушивать. Хотя есть у меня подозрения, что этот здоровый обормот надул меня и подслушивал сам. Уже на третьей минуте Пенни прослезилась, а под конец (я уложился ровно в отпущенные двадцать восемь минут) она совсем раскисла. Я ни на шаг не отклонился от четкой и стройной доктрины экспансионизма, какой она была возведена своим официальным пророком – Досточтимым Джоном Джозефом Бонфортом; я лишь воссоздал его посыл и манеру, главным образом по фразам из предыдущих речей. И что занятно – сам свято верил каждому своему слову!

Да, братцы, вот это была речь!

Чуть позже все собрались послушать и посмотреть меня в записи. Пришел и Джимми Вашингтон, чье присутствие укротило Билла Корпсмена. Стереозапись кончилась, и я спросил:

– Ну как, Родж? Будем что-нибудь вырезать?

Вынув изо рта сигару, Клифтон ответил:

– Нет. Если хотите знать мое мнение, шеф, ее нужно пустить в эфир как есть.

Корпсмен покинул каюту молча, но мистер Вашингтон приблизился ко мне со слезами на глазах. Слезы в невесомости – вещь весьма неприятная, они не стекают вниз.

– Мистер Бонфорт, вы были великолепны!

– Благодарю, Джимми.

А Пенни и вовсе онемела.

Что до меня самого – я отключился сразу же после просмотра. Первоклассный спектакль всегда выматывает до предела. Проспал я больше восьми часов – разбудил меня вой сирены. Засыпая, я пристегнулся к кровати – терпеть не могу болтаться во сне по всей спальне – и теперь мог не беспокоиться. Однако, куда мы собираемся, я не знал и поспешил связаться с рубкой между первым и вторым предупреждением.

– Капитан Бродбент, это вы?

– Минуту, сэр, – ответил Эпштейн.

Затем подошел Дэк:

– Слушаю, шеф? Отправляемся согласно вашему распоряжению.

– Какому... А, ну да, верно.

– Думаю, сэр, мистер Клифтон к вам вскоре подойдет.

– Хорошо, капитан.

Я улегся обратно и принялся ждать разъяснений. Немедленно после пуска двигателей вошел Родж, судя по всему, очень встревоженный. По лицу его я ничего не мог понять – оно в равной мере выражало триумф, беспокойство и растерянность.

– Что стряслось, Родж?

– Шеф! Они спутали нам все карты! Правительство Кироги ушло в отставку!

7

Я, как обычно, спросонья был туп непрошибаемо. Помотав головой, чтобы окончательно проснуться, я спросил:

– А что вам не нравится? Вы же сами к этому и вели, если не ошибаюсь?

– Так-то оно так. Но все же...

Он не договорил.

– Что «все же»? Никак вас не пойму! Столько лет добивались этого всеми правда и неправдами и вот наконец победили, а теперь корчите из себя невесту, которую в спальне вдруг одолели сомнения. Почему? Бяки сбежали несолоно хлебавши, добро одержало верх. Или я настолько глуп...

– Н-ну... До сего времени вы политикой не интересовались...

– Это уж точно. С тех самых пор, как получил трепку, вознамерившись стать начальником скаутского патруля. Она на всю жизнь излечила меня от интереса к политике.

– Так вот, видите ли, каждому овощу – свое время.

– Это мне и отец всегда говорил. Слушайте, Родж, а если б вы могли выбирать – что, оставили бы Кирогу на месте? Вы сказали, он спутал вам все карты.

– Сейчас объясню, не торопитесь. Да, мы хотели поставить на голосование вотум недоверия правительству и вынудить его уйти в отставку, что означало бы внеочередные выборы. Но не раньше, чем будем уверены, что победим на выборах.

– Ясно. А сейчас вы не уверены, что победите? Думаете, Кирогу изберут еще на пять лет? А если не его, так кого другого из Партии Человечества?

Клифтон задумался.

– Похоже, нет. Перевес в нашу сторону.

– Тогда, может, я еще сплю? Вы что, не хотите победы?

– Хотим, конечно. Но разве вы не понимаете, что значит для нас эта отставка?

– Не понимаю.

– Правительство имеет право в любой момент назначить всеобщие выборы. Обычно оно делает это в самый благоприятный для себя момент. Но никто не подает в отставку перед выборами, кроме как по принуждению. Теперь понимаете?

Действительно, чудно они поступили, хоть я в политике и не разбираюсь.

– Да, странно.

– В данном случае правительство Кироги объявило всеобщие выборы, а затем в полном составе ушло с арены, оставив Империю в состоянии безвластия. Значит, император должен призвать кого-то для формирования временного правительства. Следуя букве закона, призвать можно любого члена Великой Ассамблеи, но на деле у императора выбора нет. Когда кабинет министров не просто жонглирует портфелями, а в полном составе подает в отставку, импера-

тор просит лидера официальной оппозиции создать временное правительство. Система такая настоятельно необходима, она не позволяет бросаться отставками по поводу и без повода. В прошлом пробовали другие методы, и правительства порой менялись чаще нижнего белья. Однако существующий порядок вынуждает правительство отвечать за свои поступки.

Я так добросовестно старался вникнуть в высший смысл происходящего, что едва не пропустил его следующее замечание:

– Так что, естественно, теперь император призвал мистера Бонфорта в Новую Батавию.

– Что? В Новую Батавию?! Здорово!

Я вспомнил вдруг, что ни разу не видел столицы Империи. То есть на Луне однажды был, но превратности профессии не оставили на экскурсию по столице ни денег, ни времени.

– Так вот куда мы стартовали! Что ж, я не против. Вы же найдете возможность забросить меня домой, если «Томми» не собирается в ближайшее время на Землю?

– А, господи ты боже мой, мне бы ваши проблемы! Когда понадобится, капитан Бродбент найдет тысячу таких возможностей!

– Да, простите, я и забыл – у вас сейчас дела поважнее, Родж. Конечно, теперь, когда работа закончена, мне бы хотелось поскорее вернуться домой, но несколько дней или даже месяц на Луне ничего не изменят. Надо мной пока не каплет! Спасибо, что выбрали время поболтать о новостях... – Я посмотрел на него. – Родж, на вас лица нет. В чем дело?

– Но говорят же вам! Император призвал мистера Бонфорта. Император, не кто-нибудь! А мистер Бонфорт на люди сейчас показаться не способен. Они, конечно, рисковали, делая этот ход, зато теперь мы в ловушке, и, похоже, нам мат.

– Погодите. Успокойтесь, пожалуйста. Понимаю, к чему вы клоните, но, дружище, мы же еще не в Новой Батавии! До нее еще миллионы миль – сто, двести миллионов, а может, и больше. Док Чапек успеет помочь ему выкрутиться, и он еще сыграет свою роль! Разве нет?

– Ну, мы на это надеемся...

– А что, есть сомнения?

– Есть. Чапек сказал, о такой слоновьей дозировке нет клинических данных. Все зависит от индивидуального химизма и от того, какой именно наркотик был введен.

Вдруг вспомнилось, как актер из второго состава, метивший на мою роль, подсыпал мне мощное слабительное прямо перед спектаклем. Я, конечно, доиграл до конца, что еще раз подтверждает превосходство разума над материей, а потом добился, чтобы эту сволочь уволили.

– Родж, сдается мне, они не из простого садизма вогнали ему ту последнюю дозу? Похоже, они знали, что делают!

– Похоже. И Чапек думает так же.

– Но в таком случае... Выходит, за похитителями стоит сам Кирогэ? Империей управлял гангстер?

Родж покачал головой:

– Совсем не обязательно. И даже маловероятно. Но похоже, что и «Людей Дела», и Партию Человечества контролируют одни и те же лица. И можно не сомневаться, что притянуть их к ответу не удастся. Они свехреспектабельны и ни к чему формально не причастны. Тем не менее они скомандовали Кирогэ: «Умри!» – а он брякнулся на спину и засучил лапками... – Родж замолчал на минуту. – И скорее всего, ему даже не намекнули, почему именно сейчас.

– Вот скотство! Вы хотите сказать, что главный человек в Империи собрал манатки и ушел, потому что кто-то из-за кулис отдал приказ?

– Именно так я и думаю.

Я потряс головой:

– Ну и грязная же игра – политика!

– Нет, – твердо возразил Клифтон. – Нет такого понятия «грязная игра». Просто вам попались игроки, нечистые на руку.

– А какая разница?

– Космическая! Кирогэ никогда выше третьего сорта не подняться, и потому он попал в марионетки к негодяям. А вот Джон Джозеф Бонфорт – это личность. Он никогда ни от кого не зависел. Как последователь он верил в общее дело, как лидер действовал искренне!

– Виноват, – смутился я. – Так что мы собираемся делать? Дэк ведь умерит свою прыть, и «Томми» не придет в Новую Батавию раньше, чем *он* станет на ноги?

– Нельзя тянуть. Конечно, ускоряться больше одного *g* нужды нет – никто не ожидает, что человек в его возрасте станет слишком уж перегружать сердце. Но и мешкать не следует. Если император призывает, являться следует вовремя.

– И что потом?

Родж молча смотрел на меня. Это уже начинало раздражать.

– Родж, только не надо! Меня ваши дела больше не касаются. Разве что до конца полета еще поиграю. Грязная там игра, чистая – все одно не моя! Был уговор. Я получаю гонорар – и домой. И там даже близко к избирательному участку не подойду!

– Скорее всего, вам ничего делать и не придется. Доктор Чапек почти наверняка успеет подлечить мистера Бонфорта. А если и нет, все совсем не так страшно. Обряд усыновления был куда сложнее, а тут всего-то аудиенция у императора и...

– У императора?!

Я почти закричал. Как и большинство американцев, я монархии не понимаю и в душе не одобряю... но испытываю тайное благоговение перед королями. В конце концов мы, американцы, вошли в Империю с черного хода. Когда подписали договор об ассоциированном статусе, дающем нам право голоса в имперских делах, там было оговорено, что наши органы власти, Конституция и все остальное не изменятся. Также существует негласная договоренность, что члены императорской фамилии не станут ездить с визитами в Америку. Может, это плохо. Может, сложись все иначе, мы бы не так робели перед коронованными особами... Во всяком случае, «демократичные» американки шибче остальных хлопочут о представлении ко двору.

– Да вы не беспокойтесь, – заверил Родж. – Скорее всего, вам ничего делать не придется. Просто мы должны быть готовы к любому повороту событий. Я что хочу вам сказать – временное правительство не проблема. Законов оно не принимает и в политике погоды не делает. Тут я все сам организую. От вас может потребоваться лишь официальная аудиенция у короля Виллема да еще, наверное, пара пресс-конференций. Мы их заранее подготовим. Но это зависит от того, как скоро *он* станет на ноги. Да вы и не через такое прошли – а если и не понадобится, все равно гонорар останется за вами.

– Дело не в гонораре, черт возьми! Дело... ну, говоря словами прославленного персонажа театральной истории: «Прошу меня развключить».

Прежде чем Родж успел ответить, без стука ворвался Билл Корпсмен. Оглядев нас, он бесцеремонно осведомился:

– Ну что, Родж, сказал ему?

– Сказал, – ответил Клифтон, – но он не согласен.

– А?! Вздор!

– Нет, не вздор, – ответил я. – И кстати, Билл. Дверь, в которую ты только что влетел, дает тебе прекрасную возможность постучать. У актеров есть такой обычай: постучать и спросить: «Можно?» Не слыхал? Жаль.

– Ты мне мозги не пудри, нет времени болтать! Что за треп там с твоим отказом?

– Это не треп. На такую работу я не подписывался.

– Чепуха! Может, ты, Смайт, по тупости не въезжаешь, но ты слишком крепко влип. И всякий там лепет – не могу да не хочу – не полезен для твоего здоровья.

Я шагнул к нему и сжал его запястье:

– Это что, угроза?! Так может, выйдем наружу, разберемся, а?

Он вырвал руку:

– С корабля? Ты что, правда debil? Неужели до тебя еще не дошло, что ты сам эту кашу и заварил?

– В каком смысле?

– Он имеет в виду, – объяснил Клифтон, – что бегство Кироги, возможно, вызвано вашей вчерашней речью. Может, он даже прав. Однако это к делу не относится. Билл, постарайся быть вежливее, прошу тебя. Мы здесь не для того, чтобы ругаться.

Я был так поражен допущением, что *моя* речь заставила Кирогу уйти в отставку, что даже забыл о намерении пересчитать Корпсмену зубы. Они это серьезно? Нет, речь даже мне самому понравилась, но такое!..

Если это правда, я действительно гений!

– Билл, – недоуменно спросил я, – тебя не устраивает слишком сильный эффект от моей речи, так?

– А? Черта с два! Не речь, а не пойми что!

– Нет уж, что-нибудь одно. Ты говоришь, что мое «не пойми что» вынудило Партию Человечества полностью сдать позиции. Ты это имел в виду?

Раздосадованный Корпсмен собрался было ответить, но вовремя заметил, что Клифтон прячет улыбку. Он оскалился, снова открыл рот, потом пожал плечами и почти спокойно сказал:

– Ну ладно-ладно, умник. В точку попал. Твоя речь не имеет никакого отношения к отставке Кироги. Тем не менее у нас куча работы. И что это за разговоры, будто ты не хочешь исполнять свою долю обязанностей?

Я возмущенно уставился на него, однако сдержался: вновь сказалась личность Бонфорта. Играя роль человека уравновешенного, сам становишься уравновешенным.

– Билл, ты опять на два стула усесться хочешь! Все это время ты ясно давал понять, что меня *наняли*. Я контракт отработал и никому ничего больше не должен. Нанять меня снова без моего согласия нельзя. А я согласия не дам.

Он хотел вставить слово, но я перебил:

– Все. Можешь идти. Не желаю тебя больше видеть.

Он был поражен:

– Да ты... Ты здесь никто и звать тебя никак! Какого черта ты тут раскомандовался?

– Верно. Я здесь никто. Но это – моя личная каюта, мне предоставил ее капитан. И ты отсюда сейчас выйдешь – или вылетишь. Манеры твои мне не по вкусу.

– Так будет лучше, Билл, поверь, – мягко добавил Клифтон. – Помимо всего прочего, это действительно его каюта. В настоящее время. Так что предпочтительнее тебе удалиться. – Он помолчал и добавил: – Точнее, нам обоим. Похоже, дело наше – табак. Вы позволите, шеф?

– Пожалуйста.

Я сел и задумался. Жаль, что Корпсмену удалось спровоцировать перепалку, – не стоит он того. Но по зрелом размышлении я убедился: отказ мой никак не связан с неприязнью к Корпсмену – я все решил еще до его прихода.

Раздался резкий стук в дверь.

– Кто?

– Капитан Бродбент, сэр.

– Заходи, Дэк.

Дэк вошел, уселся в кресло и несколько минут молчал, только кусал заусенцы на пальцах. Наконец он поднял глаза и произнес:

– Передумаешь ли ты, если я этого зануду упеку в карцер?

– А? У тебя тут и карцер есть?

– Нет. Но долго ли соорудить?

Я в упор посмотрел на него, пытаюсь понять, что за мысли роятся под этой круглой черепашкой.

– Ты действительно засадил бы Корпсмена в карцер, если б я попросил?

Он поднял взгляд, изогнул бровь и ухмыльнулся:

– Нет. Кто пользуется такими методами, тот не капитан. Даже по *его* приказу я бы ничего подобного не сделал. – Дэк мотнул головой в сторону каюты Бонфорта. – Некоторые вещи человек должен решать сам.

– Верно.

– Я слышал, ты для себя уже все решил...

– Тоже верно.

– Ясно. Знаешь, старина, я пришел сказать: я тебя уважаю. С первого взгляда подумал – пустой щеголь и позер. Пустышка... Я ошибся.

– Спасибо, Дэк.

– Не хочу тебя уговаривать, только скажи: может, стоит еще какие-нибудь условия обсудить? Ты все хорошо обдумал?

– Да, Дэк, я точно знаю, чего хочу. Это точно не мое.

– Что ж, может, ты и прав. Извини. Кажется, надежда у нас одна: может, шеф успеет прийти в себя к сроку. – Он поднялся. – Кстати, Пенни тебя хотела повидать. Если, конечно, ты не сию минуту собираешься нас покинуть.

Я рассмеялся, хоть и не до смеха было:

– Просто «кстати», а? Ты уверен, что соблюдаешь очередность? Я-то думал, сейчас улаживать меня придет док Чапек...

– Он уступил даме – слишком занят мистером Бонфортом. Впрочем, док просил кое-что передать.

– Что же?

– Сказал: может, мол, идти к черту в пекло. Он, конечно, гораздо заковыристее загнул, но смысл в общем таков.

– Да? Ну так передай, что я займу там для него местечко поближе к огоньку.

– Так можно Пенни придет?

– Конечно. Только предупреди ее, что ответом все равно будет «нет».

Все-таки решение я изменил. Черт побери, отчего доводы кажутся куда более логичными, если их подкрепляет аромат «Вождения джунглей»? Нет, Пенни не пользовалась недозволенными приемами, даже не плакала, да и я себе ничего лишнего не позволял. Просто я соглашался с ее доводами, а вдруг оказалось, что спорить больше не о чем. Пенни – из тех людей, что считают себя в ответе за весь мир; такая искренность не может не убеждать.

Мое обучение по дороге на Марс показалось мне теперь детской забавой. Ролью я уже в основном овладел и, пока корабль шел к Новой Батавии, трудился до седьмого пота. Нужно было восполнить пробелы в знаниях и подготовиться играть Бонфорта в любой обстановке. На императорских приемах в Новой Батавии можно столкнуться с сотнями и даже тысячами людей. Родж собирался по возможности оградить меня от незапланированных встреч (их приходится избегать любому известному человеку), но публичная фигура есть публичная фигура, без этого политику не обойтись.

Подобные танцы на канате делало возможными лишь фарли-досье Бонфорта – похоже, лучшее из когда-либо создававшихся. Фарли был помощником президента в двадцатом веке, Эйзенхауэра, если не ошибаюсь. Разработанный им способ личного общения политиков с целой кучей народу был так же революционен, как изобретение немцами штабного командования. Но я ни о чем таком даже не слышал, пока Пенни не продемонстрировала мне фарли-досье Бонфорта.

Это было просто досье на людей. Впрочем, в искусстве политики и нет ничего, кроме людей. И оно содержало сведения о каждом или почти каждом из тех тысяч и тысяч, с которыми Бонфорт лично встречался на своем долгом пути наверх. В каждом отдельном досье было аккуратно уложено все, что Бонфорт узнал о человеке из личного общения. Абсолютно все – любая мелочь, ведь как раз мелочи жизни мы ценим больше всего. Имена и ласковые прозвища жен, детей, домашней живности; увлечения, гастрономические пристрастия, убеждения, странности. Затем обязательно следовала дата, место встречи и заметки о всех последующих встречах и разговорах Бонфорта с данным лицом.

Если имелось фото, прилагалось и оно. Иногда присутствовала «закадровая» информация – не та, которую узнал сам Бонфорт, а та, которую для него собрали. Это зависело от политической значимости данного лица. Порой это были официальные биографии длиной в тысячи слов.

Бонфорт и Пенни всегда носили с собой мини-диктофоны, работавшие от тепла тела. Как только представлялась возможность, он надиктовывал впечатления на пленку – в комнатах отдыха, по дороге: всюду, где оставался один. Если с ним была Пенни, записывали на ее диктофон, вмонтированный в корпус наручных часов. Пенни не успевала бы расшифровывать и микрофильмировать все – этой работой были загружены две девицы Джимми Вашингтона.

Когда Пенни показала мне фарли-досье в полном объеме (а объем был и вправду внушительный, хотя на одну кассету помещалось больше десяти тысяч слов) и сказала, что все это сведения о знакомых мистера Бонфорта, я застонал. Вернее, издал нечто среднее между стоном и воплем.

– Господи помилуй, малыш! Я же говорил, что такая работа – не для человека! Ведь жизни не хватит все это запомнить!

– Конечно не хватит!

– Но ты же только что сказала: все это друзья и знакомые мистера Бонфорта!

– Не совсем. Я говорила: это то, что он хотел бы о них помнить. Хранилище нужно именно потому, что запомнить все невозможно. Не беспокойтесь, шеф, вам вообще не придется ничего запоминать. Я просто хотела показать вам, насколько полезно фарли-досье. Моя работа – следить за тем, чтобы у *него* перед встречей с кем-либо оставалась пара минут на просмотр досье. Будет нужно – я и вам подберу что требуется.

Пенни наугад выбрала кассету и вставила ее в проектор. Досье содержало сведения о некоем мистере Сондерсе из Претории, Южная Африка. Бульдог по кличке Снаффлз Буллийбой; несколько неинтересных разновеликих отпрысков, в виски с содовой кладет дольку лайма.

– Пенни, ты хочешь сказать, мистер Бонфорт притворяется, будто помнит подобные мелочи? По-моему, слишком уж похоже на надувательство.

Вместо достойного отпора святотатцу последовал кивок:

– Я раньше тоже так думала. Но, шеф, посмотрите на это несколько иначе. Вы когда-нибудь записывали телефоны своих друзей?

– Ну конечно!

– Разве это надувательство? Разве они так мало заботят вас, что вы не в состоянии запомнить их номера? Может, вы извиняетесь перед ними за это?

– Ох, ладно-ладно! Сдаюсь. Убедила.

– Он рад был бы все это помнить, если б мог. А раз уж не может, фарли-досье – не большее надувательство, чем запись в блокноте о дне рождения друга. Оно по сути и есть гигантский блокнот, в котором записано *все*. Вот вам приходилось когда-нибудь встречаться с действительно важными персонами?

Я напряг память. Великих артистов она явно не принимала в расчет – хорошо, если вообще знала, что такие бывают...

– Встречался однажды с президентом Уорфилдом. Мне тогда лет десять или одиннадцать было.

– А подробности помните?

– Ну конечно! Он спросил: «Как тебя угораздило сломать руку, сынок?» Я ответил: «С велика упал, сэр!» – а он сказал: «Я тоже раз так падал, только сломал ключицу».

– А как по-вашему, если б он был жив – помнил бы ваш разговор?

– Нет, конечно!

– Почему же, вполне мог. Вы могли быть в его фарли-досье. Их и на детей заводят – ведь мальчишки растут и становятся мужчинами. Дело в том, что люди такого уровня, как президент Уорфилд, встречаются с огромным количеством народа. Они просто не в силах запомнить всех. Но каждый из этой безликой толпы помнит свою встречу с выдающимся человеком! Во всех подробностях, потому что для любого самая важная персона – он сам. Ни один политик никогда об этом не забывает, и потому необходимо иметь возможность помнить каждого так же подробно. Это всего лишь проявление дружелюбия, вежливости и теплоты, что в политике тоже важно.

Я попросил фарли-досье короля Виллема. Сведения были скудноваты, что меня сперва напугало. Затем я подумал, что Бонфорт мог и не знать Виллема так уж близко, он ведь небось встречался с ним лишь на нескольких официальных приемах. Премьер-министром он был еще при старом императоре – Фредерике. Никаких биографических подробностей не было, лишь приписка: «См. Дом Оранских». Смотреть я не стал – просто некогда было залезать в дебри имперской и доимперской истории; да и в школе у меня по истории была пятерка. Интерес представляло лишь то, чего об императоре никто не знал, кроме Бонфорта.

Тут меня осенило: фарли-досье наверняка содержит сведения обо всех на борту «Тома Пейна», они ведь (а) люди, (б) с которыми встречался Бонфорт.

Я спросил об этом Пенни. Она слегка удивилась, но затем настала моя очередь удивляться, – оказалось, на борту «Тома Пейна» целых шесть депутатов Великой Ассамблеи! Конечно, Родж Клифтон и сам мистер Бонфорт, но, едва заглянув в досье Дэка, я прочел: «Бродбент, Дарий К. Дistinguished; депутат ВА от Лиги Вольных Странников, Высшая Палата». Далее указывалось, что он имеет степень доктора философии (физика), девять лет назад выиграл первенство Империи по стрельбе из пистолета, а также опубликовал три тома стихов под псевдонимом Эйси Уилрайт. После этого я зарекся на будущее судить о людях по внешности.

Еще там присутствовало замечание, небрежно начертанное от руки: «Весьма нравится женщинам – и наоборот».

Пенни и доктор Чапек тоже оказались депутатами и членами Высшей Палаты. Джимми Вашингтон был, как я позже понял, депутатом от «надежного» избирательного округа – он представлял Лапландию со всеми тамошними оленями и, конечно же, Санта-Клаусом. Еще он имел духовный сан – в некоей Первобиблейской Истинной Церкви Святого Духа; я о такой никогда не слышал, но это вполне объясняло его клерикальный облик.

С особым удовольствием я смотрел досье Пенни: «Дistinguished мисс Пенелопа Таллиаферро Рассел, магистр административного управления (Джорджтаун), бакалавр искусств (Уэлсли)». Почему-то меня это не удивило. Она представляла не закреплённых за конкретными округами университетских дам – как я теперь понимал, еще один «надежный» округ, ведь из них пять против одной – экспансионистки. Дальше шли размер ее перчаток и всего остального, излюбленные цвета (кстати, насчет одежды я мог бы ей кое-что присоветовать), любимые духи («Вождение джунглей», конечно) и куча других мелочей самого безобидного свойства. Был и «комментарий»: «Патологически честна; слаба в арифметике; гордится своим чувством юмора, которого начисто лишена; соблюдает диету, но при виде

засахаренных вишен тотчас о ней забывает; материнский комплекс ответственности за все сущее; не может удержаться от чтения печатного слова в любой форме».

Ниже – приписка рукой Бонфорта: «Ух, Хохолок! Я же вижу – опять нос суеть!»

Возвращая ей все обратно, я спросил, читала ли Пенни свое досье. Она посоветовала мне не лезть не в свои дела. Потом покраснела и извинилась.

Львиную долю времени отнимали репетиции, а что оставалось, шло на поддержку и уточнение внешности. Я добавил две родинки, кропотливо навел морщинки, сверил оттенок «полупрозрачного» по колориметру и закрепил все электрощеткой. Сложновато потом будет вернуть прежний вид, но надежность грима того стоит. Даже ацетоном не смыть, не говоря уж о всяких там салфетках и носовых платках. Я и шрам на «нужную» ногу нанес, по фото из истории болезни, что мне дал Чапек. Если б у Бонфорта была жена или, скажем, любовница, даже она вряд ли смогла бы наверняка сказать, кто из нас настоящий. Повозиться, конечно, пришлось, зато о гриме можно было больше не заботиться и заниматься другими не менее важными делами.

Почти весь перелет я старался вникнуть в то, о чем думал Бонфорт, во что он верил, – то есть в политику Партии Экспансионистов. Да он, можно сказать, сам был Партией Экспансионистов! Не просто выдающимся ее деятелем, но – основоположником и духовным отцом. Поначалу экспансионизм был не более чем движением «Явное предначертание» – сущим винегретом из самых разноцветных группировок, объединенных лишь пониманием, что новый небесный фронт – главнейший вопрос для будущности человечества. Бонфорт четко определил курс и партийную этику; он заявил, что флаг Империи должны сопровождать свобода и равноправие, и не уставал твердить, что человечество не должно повторять ошибки европейцев в Азии и Африке.

Но одно меня просто ошарашило: оказывается, на первых порах Партия Экспансионистов больше всего походила на сегодняшнюю Партию Человечества! Я в таких вещах ничего не смыслил; мне и невдомек было, что партии с возрастом меняются зачастую сильнее, чем люди! Правда, краем уха я слышал, что Партия Человечества откололась от Движения Экспансионистов, но никогда над этим не раздумывал. Однако по зрелом размышлении это неизбежно. Те партии, что не смотрели в небо, затерялись со временем в недрах Истории, их кандидатов больше не выбирали, а единственная, шедшая по верному пути, просто обязана была разделиться на две фракции.

Извините, отвлекся. Так вот, мое политическое образование развивалось не так логично. Сперва я просто впитывал публичные высказывания Бонфорта. По дороге на Марс я занимался, по существу, тем же, но тогда я усваивал, *как* он говорит, а теперь – *что*.

Бонфорт принадлежал к ораторам классической школы, но в споре отпускал иногда язвительные замечания. Вот, например, выступление в Новом Париже; это когда поднялся гвалт вокруг договора с Гнездами Марса, так называемого Соглашения Тихо. Бонфорту удалось тогда провести его через Великую Ассамблею, но обстановка так обострилась, что вотум доверия был проигран и кресло премьер-министра пришлось освободить. И все равно Кирога не осмелился впоследствии денонсировать договор! Речь ту я слушал с особым интересом – Соглашение Тихо в свое время сильно меня раздражало. Мысль о том, что марсиане должны пользоваться на Земле теми же правами, что и люди на Марсе, была для меня совершеннейшей чушью – до визита в Гнездо Кккаха.

Бонфорт на экране раздраженно гудел:

– Мой почтенный оппонент, возможно, знает, что девиз так называемой Партии Человечества – «Правление людей, людьми и для людей» – не что иное, как бессмертные слова Линкольна, переиначенные для нужд современности. Но хоть голос и остается голосом Авраама – рука оказывается рукой ку-клукс-клана! Ведь истинное значение этого, на первый взгляд

невинного, лозунга – «Правление людей, и только людей всеми расами повсюду ради выгоды привилегированной верхушки»... Но, возразит мой почтенный оппонент, сам Бог велел человеку нести по Галактике свет просвещения и осчастливить дикарей благами нашей цивилизации! Это социологическая школа дядюшки Римуса: «Холосый чехномазий петъ спиричуэлс, а старый Масса всех их любить»! Весьма умильная картинка, только жаль – рама маловата! Не уместились в ней ни кнут, ни колодки, ни контора!

Я понял, что становлюсь если и не экспансионистом, то по крайней мере бонфортистом. Не то чтобы он брал логикой – на мой взгляд, как раз логики ему порой не доставало, – просто мое сознание было настроено на восприятие. Я очень хотел понять суть его убежденности и проникнуться его мыслями так, чтобы готовая фраза, едва понадобится, сама слетала с языка.

Без сомнения, Бонфорт четко знает, чего хочет и – что встречается очень редко – почему хочет именно этого. Сей факт невольно производил громадное впечатление и побуждал к анализу собственных убеждений. Во что же я верю и чем живу?

Конечно же, своим делом! Я родился и вырос актером, я любил сцену, я жил в глубоком, хоть и нелогичном убеждении, что искусство стоит затраченных на него усилий. Кроме того, театр – это все, что я знаю и чем могу заработать на жизнь. Но что еще?

Формальные этические учения никогда меня не привлекали. Возможность ознакомиться с ними я имел; публичные библиотеки – отличное место отдыха для безденежного актера. Но вскоре до меня дошло, что все они в смысле витаминов бедны, как тещин поцелуй. Дай любому философу вдоволь бумаги да времени – он тебе что угодно разложит по полочкам и базу подведет.

Ну а моральные наставления, которые преподносят детям, я отроду презирал. Львиная их доля – откровенный треп, а те немногие, что имеют хоть какой-то смысл, сводятся к утверждению священных истин: «хороший» ребенок не мешает маме спать, а «правильный» мужчина должен неустанно пополнять свой лицевой счет и успевать вовремя стереть пушок с рыльца! Благодарю покорно!

Однако даже собачья стая имеет свои правила и обычаи. А я? Чем я руководствуюсь – или хотел бы руководствоваться – в собственной жизни?

«Представление должно продолжаться». В этот принцип я свято верил и всегда ему следовал. Но почему представление должно продолжаться? Учитывая, что некоторые представления иначе как отвратительными не назовешь. Потому что ты согласился в нем участвовать. Потому что публика заплатила за билеты и теперь вправе требовать того, на что ты способен. Это твой долг перед ней. Перед импресарио, и режиссером, и рабочими сцены, и остальными членами труппы. Перед твоими наставниками, и перед множеством других со времен каменных амфитеатров под открытым небом, и даже перед древними сказителями с базарных площадей. *Noblesse oblige*⁴.

Я решил, что в более общем виде эта заповедь применима к любому ремеслу. *Качество за деньги. Строй по отвесу и ватерпасу. Клятва Гиппократа. Не подводи команду. Честная работа за честную плату.* Эти принципы не нуждаются в доказательстве и составляют важнейшую часть жизни. Они верны в любую эпоху, везде, вплоть до самых дальних окраин Галактики.

И я осознал вдруг, к чему стремится Бонфорт! Если есть нравственные ценности, не тускнеющие от времени и расстояний, то они истинны и для людей, и для марсиан. И будут истинными на любой планете любой звезды. И если человечество не будет им следовать, то не завоеует звезды, поскольку какая-нибудь более развитая раса накажет его за непорядочность.

Условие экспансии – нравственность. *Слабого задави, падающего толкни* – слишком узкая философия для необъятной шири Космоса.

⁴ Положение обязывает (*фр.*).

Однако Бонфорт вовсе не был сюсюкающим апологетом розовых очков.

– Я не пацифист, – говорил он. – Пацифизм – скользкая доктрина, по которой человек принимает блага социальной группы, но отказывается за них платить и при этом еще требует нимба за свою бесчестность. Господин спикер, жизнь принадлежит тем, кто не боится ее потеть. Этот билль должен пройти!

С этими словами он встал и перешел на другую сторону зала, в знак поддержки военного бюджета, отвергнутого общим собранием его партии.

Или вот:

– Делайте выбор! Всегда делайте выбор! Иногда вы будете ошибаться, но тот, кто боится сделать выбор, не прав всегда! Упаси нас небо от трусливых зайцев, боящихся делать выбор. Встанем, друзья, и пусть нас сосчитают.

Это было закрытое совещание, но Пенни записала все на свой диктофон, а Бонфорт – сохранил. Он здорово чувствовал ответственность перед Историей и хранил записи. И хорошо – иначе с чем бы я сейчас работал?

Я решил, что Бонфорт мне по нутру. Он – такой, каким мне хотелось себя считать. Его личину я мог носить с гордостью.

Насколько помню, я ни минуты не спал с тех пор, как пообещал Пенни прийти на аудиенцию к императору, если Бонфорт не поправится к сроку. Нет, вообще-то, я собирался спать – не дело выходить на сцену с опухшей физиономией, – но потом увлекся работой, а у Бонфорта в столе нашелся большой запас бодрящих таблеток. Просто удивительно, сколько работы можно провернуть, если пахать по двадцать четыре часа в сутки, да еще если никто не мешает – напротив, помогут чем угодно, только попроси.

Но незадолго до посадки в Новой Батавии ко мне вошел док Чапек и сказал:

– Закатайте-ка левый рукав.

– Зачем?

– Затем, что не дело, если вы войдете к императору и рухнете от усталости. После укола проспите до самой посадки, а уж тогда дадим вам стимулирующее.

– А... А он, по-вашему, не сможет?

Доктор Чапек молча ввел мне лекарство. Я хотел было досмотреть очередное выступление, но, похоже, заснул в следующую же секунду. И, как мне показалось, тут же услышал голос Дэка, настойчиво повторяющий:

– Вставайте, сэр, вставайте, пожалуйста! Мы – на космодроме Липперстей.

8

Наша Луна полностью лишена атмосферы, поэтому факельщики могут садиться прямо на поверхность. Вообще-то, в случае «Тома Пейна» предполагалось обслуживание исключительно на орбитальных станциях, посадить его можно только в специальную «колыбель». Жалко, я спал и не видел, как Дэк ухитрился это проделать. Говорят, легче поймать яйцо тарелкой. Дэк был одним из полудюжины пилотов, кто на такое способен.

Но мне не удалось даже поглазеть на «Томми» в «колыбели». Все, что я смог увидеть, – внутренность герметичного перехода, который сразу же подвели к нашему шлюзу, да еще пассажирскую капсулу, понесшую нас по туннелю в Новую Батавию. Здесь, при слабом лунном притяжении, капсулы развивают такую скорость, что к середине пути вновь оказываешься в невесомости.

Нас сразу же провели в апартаменты, отведенные лидеру оппозиции. То была официальная резиденция Бонфорта, до тех пор когда (и если) он снова придет к власти после выборов. Роскошь здешняя меня просто поразила. Интересно, как же тогда выглядит обиталище премьер-министра? Наверное, Новая Батавия – самая великолепная столица в истории. Обидно,

конечно, что ее нельзя осмотреть снаружи, зато это единственный город Солнечной системы, которому не страшна термоядерная бомбардировка. Не то чтобы совсем не страшна – кое-что, конечно, пострадало бы, я имею в виду постройки, находящиеся на поверхности.

Апартаменты Бонфорта состояли из верхней гостиной, вырубленной в склоне горы, с выступающей наружу прозрачной полусферой балкона, с которого можно было любоваться звездами и матушкой-Землей. Отсюда специальный лифт вел вниз, в спальню и кабинеты, надежно укрытые под тысячефутовой толщиной каменного массива.

Осмотреть все как следует я не успел – пора было облачаться для аудиенции. Бонфорт и на Земле никогда не держал камердинера, но Родж навязался мне помогать (вернее – мешать) наводить окончательный блеск. «Облачение» оказалось древней придворной одеждой: бесформенные, трубоподобные штаны, совершенно уж дурацкий пиджак с фалдами, похожими на гвоздодер, – и то и другое черное. В придачу – сорочка: белый пластрон, от крахмала жесткий, будто кираса, воротничок-стойка с загнутыми уголками и белый галстук-бабочка. Сорочка Бонфорта была собрана воедино заранее, ведь услугами камердинера он, как я уже говорил, не пользовался. А вообще-то, каждый предмет полагалось надевать порознь и бабочку завязывать небрежно, чтобы видно было: завязывали руками. Но нельзя же требовать, чтобы человек разбирался в исторической одежде так же хорошо, как в политике!

Да, выглядел костюмчик более чем нелепо, но на его траурном фоне разноцветная диагональ ленты ордена Вильгельмины смотрелась просто великолепно! Надев ее через плечо, я осмотрел себя в большом зеркале и остался доволен. Яркая полоса на черно-белом – весьма впечатляюще. При всем своем уродстве традиционное облачение придавало достоинство и неприступную величественность метрдотеля. Я решил, что вполне гожусь для императорского двора.

Родж передал мне свиток якобы с фамилиями тех, кого «я» рекомендовал в состав нового кабинета министров, а во внутренний карман сунул мне копию отпечатанного списка. Оригинал Джимми Вашингтон передал госсекретарю императора сразу после посадки. Теоретически, на аудиенции император должен был сообщить, что поручает мне формирование кабинета, а я – смиренно представить на его суд свои соображения. Список кандидатур должен был оставаться в секрете, пока монарх милостиво его не одобрит.

На самом деле все было уже решено. Родж с Биллом почти всю дорогу обдумывали состав правительства и получали согласие каждого кандидата по спецсвязи. Я изучал досье всех рекомендованных, а также альтернативных кандидатур. Впрочем, список был секретным в том смысле, что репортерам его покажут только после аудиенции.

Взяв свиток, я прихватил и Жезл. Родж в ужасе застонал:

– Да вы что, с ума сошли? Нельзя с этим к императору!

– Почему?

– Но... Это же оружие!

– Верно, церемониальное оружие. Родж, да любой герцог и даже самый паршивый баронет будут при шпагах. А я возьму Жезл!

Он замотал головой:

– Тут дело другое. Вы разве незнакомы с этикетом? Их шпаги символизируют обязанность поддерживать и защищать монарха лично и собственным оружием. А вам, как простолюдину, оружие при дворе не положено.

– Нет, Родж. То есть как вы скажете, так и будет, но к чему упускать такой отличный шанс? Спектакль пройдет замечательно, точно вам говорю.

– Э-э-э... Боюсь, что не вижу...

– Так смотрите! На Марсе ведь узнают, что Жезл был со мной? Обитатели Гнезд, я имею в виду?

– Да, наверное. Вернее, точно.

– Именно! У любого Гнезда есть стереовизор – в Гнезде Кккаха, по крайней мере, их было навалом. Ведь марсиане не меньше нашего интересуются имперскими новостями, так?

– Так. Во всяком случае, старейшины.

– И если я возьму с собой Жезл, они об этом узнают. Если нет – тоже. А для них это важно, поскольку касается приличий. Ни один марсианин не покажется вне стен Гнезда или на какой-нибудь церемонии без Жезла. Да ведь они и раньше встречались с императором и, даю голову на отсечение, свои Жезлы на аудиенцию брали.

– Но вы же не...

– Вы забываете – теперь я именно марсианин!

Лицо Роджа приобрело слегка осоловевшее выражение. Я продолжал:

– Я теперь не только Джон Джозеф Бонфорт, я Кккахжжжер из Гнезда Кккаха. И, не взяв с собой Жезл Жизни, допущу непростительный промах... Если честно, не знаю даже, что будет, когда об этом станет известно; я еще недостаточно знаком с марсианскими обычаями. А если я беру Жезл, тогда я – марсианский гражданин, который вот-вот станет премьер-министром его величества! Что, по-вашему, скажут на сей счет в Гнездах?

– Кажется, я не продумал как следует этого вопроса, – задумчиво протянул Родж.

– Я тоже лишь сейчас сообразил, как только пришлось решать: брать ли с собой Жезл. Но неужели мистер Бонфорт не обдумал этого еще до усыновления?! Родж, мы уже поймали тигра за хвост – отступать некуда, только оседлать его – и вперед!

Тут пришел Дэк и тоже взял мою сторону, похоже, даже удивился, что Клифтону могло прийти в голову нечто другое:

– Будь уверен, Родж, мы создадим прецедент, и, сдается мне, далеко не последний в нашей карьере!

Взгляд его упал на Жезл.

– Эй! Ты хочешь кого-нибудь убить или просто стену продырявить?

– Да я же не жму ни на что.

– И на том спасибо. Он даже не на предохранителе. – Дэк аккуратно отнял у меня Жезл. – Повернуть кольцо и вдвинуть эту штуку в паз. Теперь он просто палка.

– Ой. Виноват.

Из гостиной меня препроводили в гардеробную и сдали с рук на руки шталмейстеру короля Виллема – полковнику Патилу. То был индус в мундире имперских космических сил, с прекрасной выправкой и непроницаемым выражением лица. Поклон, коим он меня встретил, был рассчитан с точностью до градуса: отображал он и то, что я скоро стану премьер-министром, и то, что таковым я пока еще не стал и что мой ранг хоть и выше, но все же человек я штатский и следует вычесть пять градусов за императорский аксельбант на его правом плече.

Заметив Жезл, он мягко сказал:

– Марсианский Жезл Жизни, не так ли, сэр? Любопытно. Вы сможете оставить его здесь, с ним ничего не случится.

– Жезл я возьму с собой, – ответил я.

– Сэр?..

Он заломил брови, ожидая, что я тут же исправлю эту очевидную ошибку.

Я перебрал в памяти излюбленные фразы Бонфорта и выбрал одну: ясный намек на излишнюю самоуверенность собеседника:

– Вы, сынок, свое плетите как хотите, а моего не путайте.

С его лица окончательно исчезло всякое выражение.

– Прекрасно, сэр. Сюда, будьте любезны.

У входа в тронный зал мы остановились. Далеко впереди стоял на возвышении пустой трон. По обе стороны прохода к нему томились в ожидании придворные и знать. Видно, Патил

подал условный знак: заиграл гимн Империи, и все застыли – Патил навывтяжку, словно робот, я – чуть ссутулясь, как и положено пожилому, перегруженному работой человеку, исполняющему свой долг, остальные – как манекены. Надеюсь, мы никогда не откажемся полностью от расходов на содержание двора – вся эта шикарно разодетая массовка создает незабываемое зрелище.

С последними тактами гимна к трону подошел Виллем, принц Оранский, герцог Нассауский, великий герцог Люксембургский, командор ордена Священной Римской империи, генерал-адмирал Вооруженных сил Империи, Советник Гнезд Марса, Защитник бедных и, Божьей милостью, король Нидерландов и император Планет и межпланетного пространства.

Лица его я разглядеть не мог, но атмосфера церемонии вызвала во мне теплую волну доброжелательности. Я не был больше противником монархии.

Отзвучал гимн, король Виллем сел, кивнул в ответ на поклоны, и толпа придворных немного ожила. Патил куда-то пропал, а я, с Жезлом под мышкой, начал восхождение к трону, хромая даже при слабом лунном притяжении. Все это здорово напоминало путь к внутреннему Гнезду Кккаха, разве что здесь я ничего не боялся. Было немного жарко, да звенело в ушах. Вдогонку звучала мешанина из земных гимнов – от «Короля Кристиана» до «Марсельезы», «Знамени, усыпанного звездами» и прочих. Поклон у первой линии, поклон у второй, и последний, самый низкий, прямо перед ступенями. Колен я не преклонил – это только дворянам положено, а простолюдины делят со своим сувереном его суверенитет. В театре и в стереофильмах это часто показывают неправильно, потому Родж мне все тщательно объяснил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.